

Підбожуваному Максимову Александровичу Волошину на пам'ять від автора,

А. Н. НОВИЦКІЙ.

2720.

ГРАФЪ
О. П. ТОЛСТОЙ.

Кіевъ.

Типографія Школи (Мастерской) Печатного Дѣла. Александровская № 35.
1912.

2720.

ГРАФЪ Θ. П. ТОЛСТОЙ.

ть двѣнадцатымъ годомъ тѣсно связано имя лучшаго русскаго медальера, графа Θ. П. Толстого, вылѣпившаго знаменитыя медальоны на отечественную войну.

Родился графъ Федоръ Петровичъ въ Петербургѣ, въ домѣ Кригсъ-Комиссариата, 10 февраля 1783 г., и тотчасъ же, при крещеніи, былъ записанъ, по тогдашнему обычаю, сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ.

Отецъ его, графъ Петръ Андреевичъ Толстой, управлявшій въ то время Кригсъ-Комиссариатомъ, былъ очень добрый и гуманный человѣкъ, отли-чавшійся высокой нравственностью и непоколебимой честностью, умный и очень начитанный. Мать его, Елизавета Егоровна, рожденная Барботъ де Марни де Женевьевъ, унаслѣдовала отъ своего отца тоже прекрасныя душев-ные качества и умъ, и кромѣ того, обладала и художественными способно-стями, проявляя ихъ во всевозможныхъ рукодѣліяхъ. Она сама плела соло-менныя шляпы, вышивала по полотну тонкими шелками пейзажи, напоми-нающіе рисунки тушью, и дѣлала такія изящныя игрушки, что на ея кареты и коляски, говорятъ, пріѣзжали смотрѣть, какъ на модели, извѣстныя карет-ники того времени.

Безъ сомнѣнія, отъ нея графъ Федоръ Петровичъ унаслѣдовалъ многія качества своего таланта; она же положила и первое начало его художествен-наго образованія, занимаясь съ нимъ рисованіемъ. Она же учила его и рус-ской и французской грамотѣ и слѣдила за его прочими уроками.

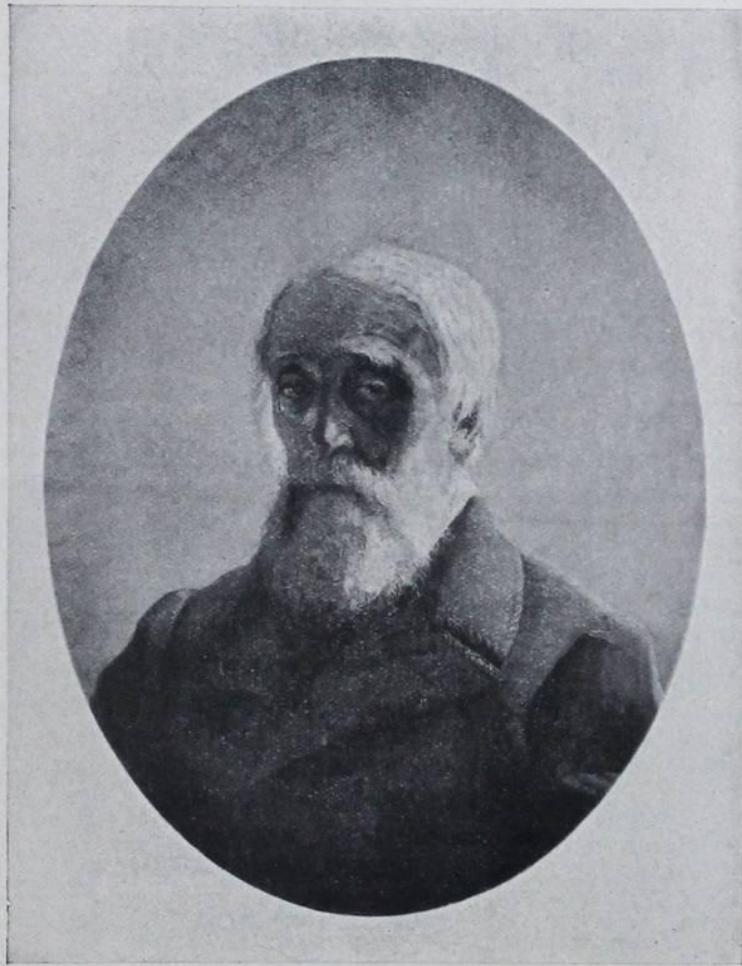
Но занятія его искусствомъ начались много раньше даже и этихъ уро-ковъ. Уцѣльли его рисунки, находящіеся теперь въ Третьяковской галлерѣ, где мы видимъ его работы, начиная съ четырехлѣтняго возраста. „Рано, шутя, говорить въ своей статьѣ¹⁾ дочь его Е. Θ. Юнге, выучился онъ читать. Прію-

¹⁾ Юнге Е. Θ. Дѣтство и юность графа Θ. П. Толстого, „Русскій Художественный Архивъ“ 1892 г.

тившись у ногъ матери, онъ часто помогалъ ей въ ея художественныхъ рукоѣляхъ, а вечеромъ, около нея же, рисовалъ карандашемъ и красками—не тѣ каракули, которыя обыкновенно производятъ трехъ—четырехлѣтнія дѣти, а вещи, въ которыхъ сквозить уже понятіе о ракурсѣ. Рано умъ ребенка началъ уже обнаруживать особенный складъ, присущій его художественной натурѣ. Плоды воображенія слагались въ его маленькой головкѣ въ живые образы, все, что было въ окружающей природѣ или обстановкѣ образнаго, картииннаго, красиваго, производило на ребенка сильное, неизгладимое впечатлѣніе. Неопѣненное для художника и такъ трудно пріобрѣтаемое впослѣдствіи преимущество—память глаза—съ ранняго возраста сильно развилась въ мальчикѣ“.

Когда ему былъ девятый годъ, его внучатый дядя, впослѣдствіи извѣстный генералъ и посолъ при дворѣ Наполеона I, графъ Петръ Александровичъ Толстой, получиль въ командованіе Исковскій драгунскій полкъ, расположенный около мѣстечка Ошмянъ, въ окрестностяхъ Вильны. Незадолго передъ тѣмъ женившись на княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Голицыной, онъ предложилъ родителямъ мальчика отпустить его съ нимъ въ полкъ, говоря, что береть на себя попеченіе обѣ его воспитаніи и обѣ образованіи изъ него хорошаго кавалерійскаго офицера, и обѣщаю устроить ему прекрасную карьеру. Богатый, съ громадными связями молодой человѣкъ, уже получивший, не смотря на свои 25 лѣтъ, командованіе надъ однимъ изъ самыхъ большихъ полковъ въ Россіи, конечно, онъ могъ исполнить все это гораздо легче, чѣмъ родители мальчика, не имѣвшіе ни богатства, ни такихъ влиятельныхъ связей, и имъ пришлось принести свои родительскія чувства въ жертву представлявшемуся, по ихъ понятіямъ, счастью сына и отпустить его. И мальчику тяжело было разставаться съ семьей; но и Петръ Александровичъ, и Марья Алексѣевна были съ нимъ такъ ласковы, что онъ вскорѣ привыкъ къ своему новому положенію и не такъ уже сильно тосковалъ о домѣ, особенно, когда его стали учить верховой Ѣздѣ.

Верховая Ѣзда сдѣлалась его страстью, и вскорѣ онъ удивляль всѣхъ своею смѣлостью и ловкостью, чѣмъ дядя былъ очень доволенъ. Не прошло и года, какъ онъ садился уже на всякую незнакомую лошадь, правиль тройкою и могъ сопровождать дядю на охоту за зайцами и лисицами. Къ концу же своего пребыванія въ Ошмянахъ онъ дошелъ до такого совершенства, что главный берейторъ полка даваль ему выѣзжать необѣзженныхъ горскихъ лошадей, что онъ исполняль даже успѣшиѣ взрослыхъ, такъ что въ полку получилъ прозвище „головорѣза на конѣ“.

Портретъ графа Ф. П. Толстого работы Е. О. Юнге.

„Вообще верховой ёздѣ учили меня очень внимательно и хорошо, говорить онъ въ своихъ запискахъ¹⁾, что же касается до наукъ, то всѣ онъ состояли только въ томъ, что французскому языку было поручено меня учить камердинеру дяди, m-eur Boulogne, какъ его величали, который давалъ только списывать съ книги и больше ничему не учитъ.

Врядъ ли, однако, можно видѣть въ этомъ намѣреніе дяди дать образованіе мальчику именно такимъ образомъ. Какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, графъ Петръ Александровичъ отдаетъ его подъ руководство педагога, который могъ сдѣлать изъ него действительно глубоко образованнаго человѣка. Скорѣе можно думать, что онъ нашелъ нужнымъ на первое время дать мальчику отдохнуть и привыкнуть къ обстановкѣ, прежде чѣмъ начать его учить, а французъ—камердинеръ игралъ роль не болѣе, какъ дядьки. Поэтому графъ Петръ Александровичъ и не справлялся объ успѣхахъ ихъ занятій, ни у того, ни у другого, такъ какъ не смотрѣлъ на это какъ на серьезное занятіе, имѣя въ виду устроить его подъ руководство выдающагося учѣнаго и педагога.

Въ то время фактическимъ главою Полоцкаго іезуитскаго коллегіума былъ знаменитый патеръ Гавріль Груберъ, официально числившійся преподавателемъ механики, архитектуры и физики. „Но специальностью Грубера, какъ замѣчаетъ въ своей прекрасной характеристикѣ этого замѣчательнаго человѣка М. Я. Морошкинъ²⁾, была не одна механика и архитектура, а всѣ знанія и искусства: онъ былъ и математикъ, и историкъ, и химикъ, и музыкантъ, и кондитеръ, и языковѣдъ, знатій языки: латинскій, итальянскій, французскій, нѣмецкій, польскій и русскій, и живописецъ. Въ постѣднемъ родѣ искусства онъ оставилъ много памятниковъ въ Полоцкомъ коллегіумѣ; особенно перспективная живопись была отличительнымъ дарованіемъ Грубера и возбуждала удивленіе во всѣхъ знатокахъ и незнатаокахъ этого искусства. Въ этой сутуловатой фигурѣ, въ этой огромной, совершенно не пропорціональной съ малымъ тѣломъ и кверху какъ то заостренной головѣ вмѣщался умъ демона и самое злое сердце; въ глазахъ, постоянно опущенныхъ внизъ, блесталъ какой то зловѣщій свѣтъ; скромная, и какъ будто робкая поступь скрывала самые гордые и дерзкіе замыслы души“.

Самый коллегіумъ, не касаясь, конечно, религіозныхъ основъ, былъ поставленъ дѣйствительно блестяще. Онъ имѣлъ огромную библіотеку, достигав-

¹⁾ Черновыя записи графа Ф. П. Толстого, любезно предоставленныя мнѣ, какъ и почти весь остальной рукописный материалъ, дочерью его, Е. Ф. Юнге.

²⁾ Иезуиты въ Россіи въ царствованіе Екатерины II, Павла I и Александра I. СПБ. 1867—1870.

Семейный барельефъ.

шую до 35.000 томовъ, прекрасный физический кабинетъ, большой телескопъ и всякия другія учебныя пособія. Въ это то учрежденіе и помѣстилъ графъ Петръ Александровичъ своего племянника.

Если конвикатъ и имѣлъ многія отрицательныя стороны, то это нисколько не касалось лицъ, подобно графу Толстому, не жившихъ тамъ на полномъ пансіонѣ. Жить нашъ будущій художникъ у полоцкаго коменданта Дуве и посѣщалъ только тѣ уроки, которые ему назначалъ самъ патеръ Груберъ, вызвавшійся лично руководить занятіями мальчика.

„Груберъ очень меня полюбилъ за мой нравъ и прилежаніе, говорить въ своихъ запискахъ графъ Толстой, и я къ нему былъ привязанъ, какъ къ отцу родному: рисовать онъ меня училъ самъ и находилъ у меня къ этому искусству большую способность. Если бы, прибавляетъ графъ, это ученье подъ особымъ надзоромъ такого человѣка, какъ Груберъ, могло бы быть доведено до совершенного окончанія, то, разумѣется, могло бы принести большую пользу,— но судьба все переинчила“.

Понятно, тѣ отрицательныя черты, на которыхъ указываетъ Моронкинъ въ приведенной выше характеристикѣ, патеръ Груберъ не давалъ чувствовать мальчикамъ, вѣреннымъ его попеченіямъ, и графъ Толстой, такъ же, какъ и другіе воспитанники іезуитовъ, видѣлъ только положительныя его стороны. Даже и позднѣе, когда онъ встрѣтился съ Груберомъ въ Петербургѣ, будучи уже взрослымъ человѣкомъ, то и тогда онъ посвятилъ своему бывшему наставнику нѣсколько прочувствованныхъ и восторженныхъ строкъ. „Тѣмъ болѣе замѣчательно, говоритъ онъ, что, будучи іезуитомъ, онъ былъ прямого характера, справедливъ и добродушенъ. При обширныхъ занятіяхъ его по своему сану (въ то время Груберъ былъ уже генераломъ іезуитскаго ордена) и наукамъ, любя художества и будучи хорошимъ миниатюристомъ на слоновой кости, онъ находилъ время заниматься этимъ искусствомъ. Выйдя изъ корпуса и узнать, что теперь Груберъ въ Петербургѣ, я тотчасъ явился къ нему. Онъ очень обрадовался, увида меня, и съ прежнею ласкою и радушіемъ принялъ, пригласилъ меня ходить къ нему какъ можно чаще, и что онъ съ радостью будетъ мнѣ помогать и давать свои совѣты по моимъ занятіямъ въ наукѣ и художествѣ; и съ этихъ поръ я рѣдко не бывалъ у него двухъ разъ въ недѣлю, что я и продолжалъ до самой его смерти. Его совѣтамъ, заключаетъ графъ, я много обязанъ въ моихъ занятіяхъ по образованію“.

Когда мальчику минуло 13 лѣтъ, графъ Петръ Александровичъ, пользуясь покровительствомъ графа Николая Ивановича Салтыкова, хотѣлъ устроить переводъ своего племянника изъ сержантовъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ капитаны арміи съ опредѣленіемъ въ Псковскій драгунскій полкъ, а черезъ годъ послѣ этого, графъ Н. И. Салтыковъ взялъ бы его къ себѣ въ

адъютанты, что тогда давало право прямо на чинъ премье́р-ма́юра. Такимъ образомъ, четырнадцати лѣтъ онъ имѣлъ бы уже блестящую военную карьеру. „Вотъ что дѣлалось на военной службѣ при Екатеринѣ II! замѣчаетъ по этому поводу графъ Федоръ Петровичъ. Но мнѣ, добавляетъ онъ, судьба не судила воспользоваться этимъ злоупотребленіемъ“.

Вступившій какъ разъ въ этомъ году на престолъ Павелъ I вызвалъ графа Петра Александровича въ Петербургъ, а онъ привезъ съ собою и племянника и сдалъ его опять родителямъ. Не мало перемѣнъ нашелъ мальчикъ дома. Отецъ его, въ то время бывшій уже генераломъ, находился на гауптвахтѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Причина ареста его, въ запискахъ графа, объясняется такъ: „Великій князь Павелъ Петровичъ, бывшій въ Финляндіи при армії, требовалъ отъ батюшки изъ Комиссаріата двадцать или пятнадцать тысячъ; но батюшка ему отказалъ въ этомъ, такъ какъ ему было дано особое письменное приказаніе отъ императрицы, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не давалъ Павлу Петровичу комиссаріатскихъ денегъ, за исполненіе чего онъ дорого поплатился при вступлениі на престолъ императора Павла I“.

Довольно плохо вяжется съ характеромъ Павла I подобный поступокъ. Подъ впечатлѣніемъ минуты, неукротимый въ своей вспыльчивости Павелъ I могъ даже за ничтожное, непонравившееся ему слово подвергнуть гораздо большему наказанію; но съ 1788 года, когда Павелъ получилъ дозволеніе принять участіе въ войнѣ со Швеціей, и до вступленія его на престолъ, въ 1796 г., прошло восемь лѣтъ. И чтобы черезъ столько лѣтъ Павелъ задумать отомстить мелкую обиду, да притомъ еще сдѣланную непроизвольно, когда онъ не мстилъ даже ближайшимъ сотрудникамъ Екатерины, а напротивъ, многихъ изъ нихъ, не исключая и Зубова, осыпалъ милостями наравнѣ со своими приверженцами,—это мало вѣроятно. Естественнѣе предположить, что причина ареста графа Петра Андреевича осталась неизвѣстною, а зная о произошедшемъ инцидентѣ, онъ самъ такъ объяснилъ ее себѣ.

Но какъ бы то ни было, а онъ не только высидѣлъ на гауптвахтѣ назначенный срокъ, но и потомъ оставилъ службу съ половиннымъ окладомъ жалованья и очутился, такимъ образомъ, въ крайне затруднительномъ материальномъ положеніи. Жиенъ Толстыхъ стала еще скромнѣе по внѣшности, но попрежнему протекала въ мирѣ и семейномъ счастіи. Отецъ выѣзжалъ мало, мать почти совсѣмъ не выѣзжала и занималась своими художественными рукодѣліями. Дѣти, покончивъ съ уроками, принимались каждый за свое любимое занятіе. Федоръ чаще всего рисовалъ, но любилъ также и столярное, и токарное дѣло, а особенно его интересовали всякия механическія издѣлія. „Разбиранье карманныхъ часовъ и составленіе ихъ, говорить онъ, занимало меня чрезвычайно и дало мнѣ некоторое поверхностное понятіе о

механикъ. Я дѣлалъ разныя вещицы, приходящія въ движение посредствомъ часовыхъ и другихъ мною приготовляемыхъ пружинъ. Вечеромъ же, когда дни дѣлались коротки, мы всѣ садились за большой круглый столъ. Матушка или батюшка читали намъ вслухъ книги, большую частію путешествія и разныя открытия,—это было любимое для нась чтеніе. Каждый изъ насъ занимался любимою своею работою. Этихъ часовъ, заключаетъ онъ, мы всегда ждали съ большимъ нетерпѣніемъ“. „Мы всегда были заняты, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, полезнымъ и любимымъ нами дѣломъ и были совершенно счастливы“.

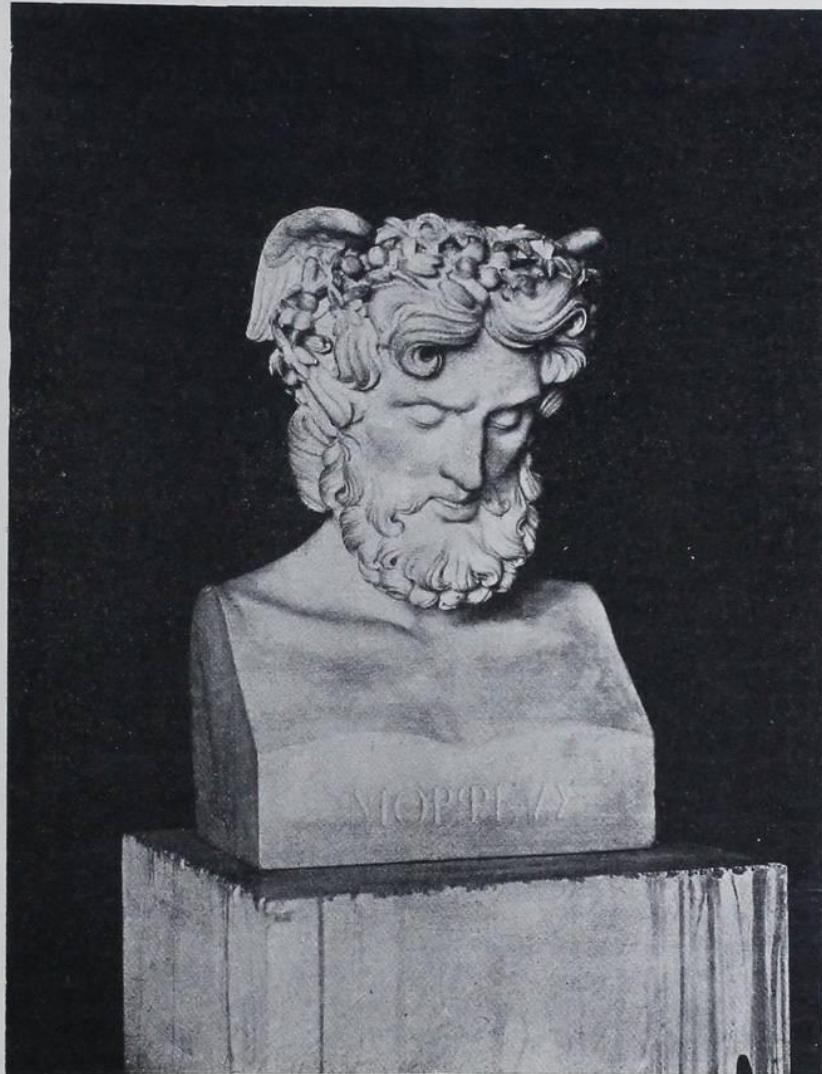
Такъ счастливы были дѣти; что же касается до старшихъ, то ихъ въ это время сильно началъ заботить вопросъ о дальнѣйшемъ воспитаніи дѣтей. Однако, и онъ вскорѣ разрѣшился, въ отношеніи къ нашему будущему художнику, очень благопріятно. Одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, А. Я. Перфильевъ, служилъ въ то время въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ, считавшемся тогда однимъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. По его совѣту, туда именно и отдали мальчика, 26 іюня 1798 г.

Директоромъ этого корпуса числился И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ; но, за дряхлостью его, управлять всѣмъ сынъ его, контр-адмиралъ Л. И. Кутузовъ, употреблявшій всѣ силы, чтобы сдѣлать заведеніе примѣрнымъ, и дѣйствительно успѣвшій въ этомъ. Онъ не только привлекъ въ качествѣ преподавателей такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ Е. Н. Фуса, читавшаго курсъ высшей математики и механики, съ которымъ впослѣдствіи мы еще встрѣтились, К. Ф. Германа—курсъ статистики, П. Я. Гамалею, преподававшаго морскую практику, эволюцію и теорію морского искусства, но заботился постоянно и о хорошемъ нравственномъ и материальномъ состояніи воспитанниковъ.

Во время пребыванія въ корпусѣ Ф. П. Толстого, тамъ собралась цѣлая семья Толстыхъ: четыре двоюродныхъ брата его, тоже графовъ Толстыхъ, его младшій братъ Петръ, двоюродный братъ Арсеньевъ и троюродный братъ Дохтуровъ, такъ что всѣ они помѣщались въ одномъ дортуарѣ, носившемъ имя гр. Толстыхъ.

Поступивъ въ корпусъ, гр. Ф. П. Толстой усердно принялъся за науки, особенно пристрастившись къ математикѣ, и вскорѣ, и по прилежанію, и по успѣхамъ, занялъ первое мѣсто въ классѣ, въ награду за что директоръ часто приглашалъ его къ себѣ обѣдать.

26 февраля 1800 г. онъ былъ произведенъ въ гардемарины и два года подъ рядъ ходилъ въ плаваніе,—первый годъ, съ 21 іюля по 2 октября, на фрегатѣ „Богоявленіе“, подъ командой Ф. В. фонъ-Моллера, отъ Кронштадта въ Стокгольмъ и во всѣ порты Швеціи по Балтійскому морю, а второй годъ, съ іюля по 3 октября—въ Данію и Норвегію, на фрегатѣ „Архипелагъ“, подъ

Бюстъ Морфел.

командою капитана Малеева. Во время этихъ кампаний онъ вель интересные дневники, въ которыхъ подробно описывалъ свои впечатлѣнія и все съ нимъ случившееся. 23 июня 1802 г. гр. Толстой былъ произведенъ въ мичманы и выпущенъ въ гребной флотъ, вслѣдствіе чего могъ жить въ Петербургѣ. Это дало ему возможность продолжать свое образованіе.

„Я чувствовалъ, говорить онъ, что мнѣ многаго недоставало: корпусное ученѣе могло только доставлять просто порядочнаго офицера, а не образованаго человѣка, а мнѣ хотѣлось быть образованнымъ, и потому я употреблялъ всѣ средства, чтобы знакомиться съ людьми, отличающимися по наукамъ, и посѣщать публичныя лекціи“.

Вскрѣ по выходѣ его изъ корпуса упоминавшійся выше Е. Н. Фусъ, отличавшій его еще во время ученья, узнавъ объ его желаніи продолжать занятія по математикѣ, вызвался безвозвездно руководить имъ. У него въ домѣ графъ познакомился съ другимъ академикомъ, профессоромъ астрономіи Ф. И. Шубертомъ, позднѣе—съ Ф. П. Аделунгомъ и съ Ф. И. Кругомъ. Послѣдній предложилъ ему свое руководство въ изученіи нумизматики. „Этотъ умный и добрый ученый, говорить графъ, примѣтивъ во мнѣ сильное стремленіе къ приобрѣтенію познаній, познакомилъ меня съ Паротомъ, Клапротомъ, Моргенштерномъ и Келлеромъ, антикварiemъ и археологомъ Эрмитажа, которыхъ обширное познаніе чрезвычайно благодѣтельное имѣло вліяніе на мое образованіе. Въ ихъ сообществѣ я выучился хорошо и нѣмецкому языку, котораго, вышедъ изъ корпуса, совершенно не зналъ“. Еще нѣсколько позднѣе онъ писалъ: „Не оставляю дѣятельно заниматься вообще моимъ образованіемъ,—окромя домашняго занятія и чтенія, для этой цѣли я слушаю всѣ публичныя лекціи: статистики, политической экономіи, читанной профессоромъ Германомъ, исторіи, физики, химіи и вообще все, что читается по естественнымъ наукамъ. Лекціи зоологіи, читаемыя ежегодно проф. Кутургою въ университетѣ, я слушаю два года сряду. Я стараюсь пользоваться всѣми средствами, которые могутъ быть полезны для моего образованія, не пропускаю ни одного собранія литературныхъ обществъ, здѣсь находящихся, въ которыхъ, почти во всѣхъ, я членомъ“.

Развиваясь умственно, гр. Толстой не покидалъ и физическихъ упражненій. Въ то время среди гвардейскихъ офицеровъ явилась мода учиться волтижировкѣ у пріѣхавшаго тогда въ Петербургъ Кюрина. Этой модѣ послѣдователь и братъ Федора Петровича. „Увидѣвъ разъ это ученѣе, которое мнѣ очень понравилось, читаемъ мы въ запискахъ графа, и я сталъ позже учиться волтижировать. Зная хорошо верховую Ѣзду со всѣми ея наѣздническими хитростями, почему будучи совершенно свой на лошади. и при моей врожденной ловкости и легкости прыгать, я скоро сдѣлался первымъ волтижеромъ между

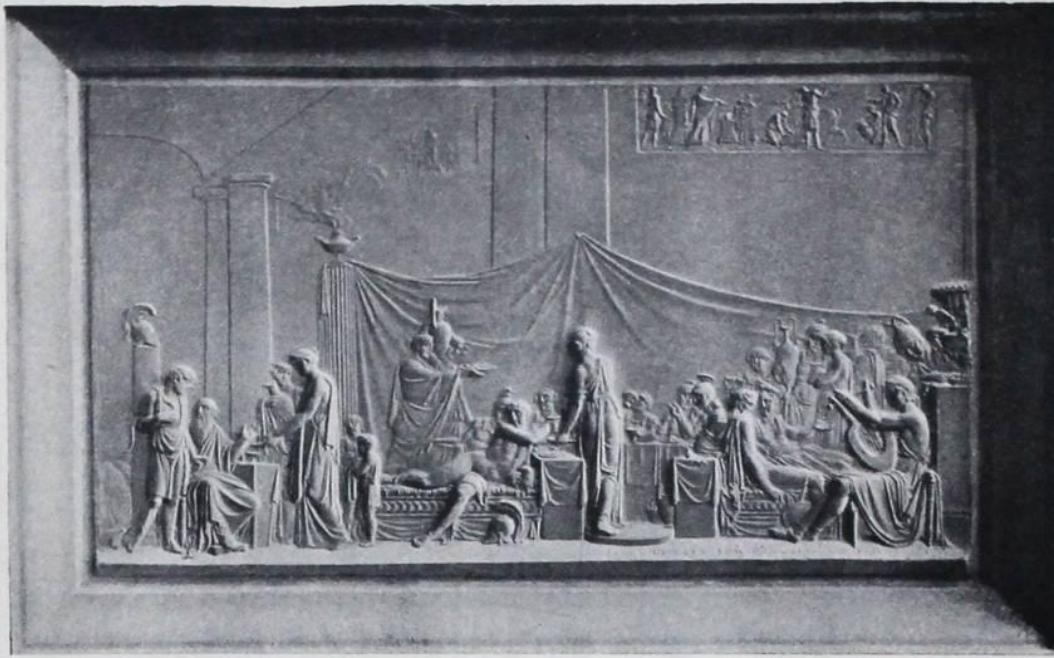
всѣми учащимися, свободно и легко дѣлалъ, на полномъ карьерѣ лошади, всѣ штуки, обыкновенно дѣлаемыя въ циркахъ, и одинъ изъ всѣхъ учащихся Ѵздили стоя на лошади. Я почти одинъ изъ послѣднихъ началъ Ѵздить въ манежѣ, а не прошло и мѣсяца, какъ я перегналъ всѣхъ тамъ учившихся". Однако, вскорѣ мода прошла, и желающихъ продолжать занятія осталось не болѣе десяти человѣкъ, такъ что Кюрини невыгодно стало держать лошадей изъ за такого небольшого числа учащихся, и онъ уѣхалъ на родину.

Не менѣе успѣшно шло у графа и фехтованіе. „Вначалѣ, говорить онъ, я учился на эспадонахъ у Вальвиля, но я всегда предпочиталъ рапиры эспадронамъ и саблямъ, потому что въ assaut на рапирахъ, при большомъ проворствѣ и искусствѣ владѣть рапирою, надо имѣть гораздо болѣе тонкости въ соображеніи дѣйствій при нападеніи и оборонѣ, болѣе хитрости въ умѣніи заманить своего противника на то дѣйствіе съ его стороны, которое тебѣ выгодно для нанесенія ему рѣшительного штосса, надоѣно умѣть читать въ глазахъ и на лицѣ, что намѣревается дѣлать твой противникъ, и предупреждать его во всѣхъ его дѣйствіяхъ, скрывая тщательно отъ него свои собственные. На рапирахъ я первоначально учился у Резинкина, Данилова и Тарасова, фехтмейстеровъ въ корпусахъ, бывшихъ лучшими учениками Совербрика, считающагося однимъ изъ первыхъ фехтмейстеровъ въ Европѣ. Я и теперь не пропускаю ни разу офицерскихъ фехтовальныхъ классовъ, устроенныхъ во флигеляхъ Михайловскаго замка, и ко мнѣ продолжаетъ ходить биться два раза въ недѣлю Даниловъ, который бьется очень проворно; но я ему не уступаю. Когда Совербрикъ увидѣль меня, бившагося въ офицерскомъ классѣ, то, зная мою страсть къ этому искусству, былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ давать окончательные уроки, которые продолжались съ полгода. Впослѣдствіи я дошелъ до того, что прослылъ хорошимъ рапирнымъ бойцомъ и могъ биться съ Горголи, считавшимся вторымъ бойцомъ на рапирахъ послѣ Соверброка".

Въ то же время восхищалъ всѣхъ своими балетами извѣстный и воспѣтый столькими поэтами, съ самимъ Пушкинымъ во главѣ, К. Л. Дицло. Не менѣе другихъ восхищался имъ и гр. Толстой. Мало того, онъ поступилъ къ нему въ ученики, и тотъ часто говорилъ, что если бы графъ вполнѣ посвятилъ себя этому искусству, то изъ него вышелъ бы замѣчательный артистъ. Брали онъ уроки и мимического искусства у танцмейстера г. Бузани.

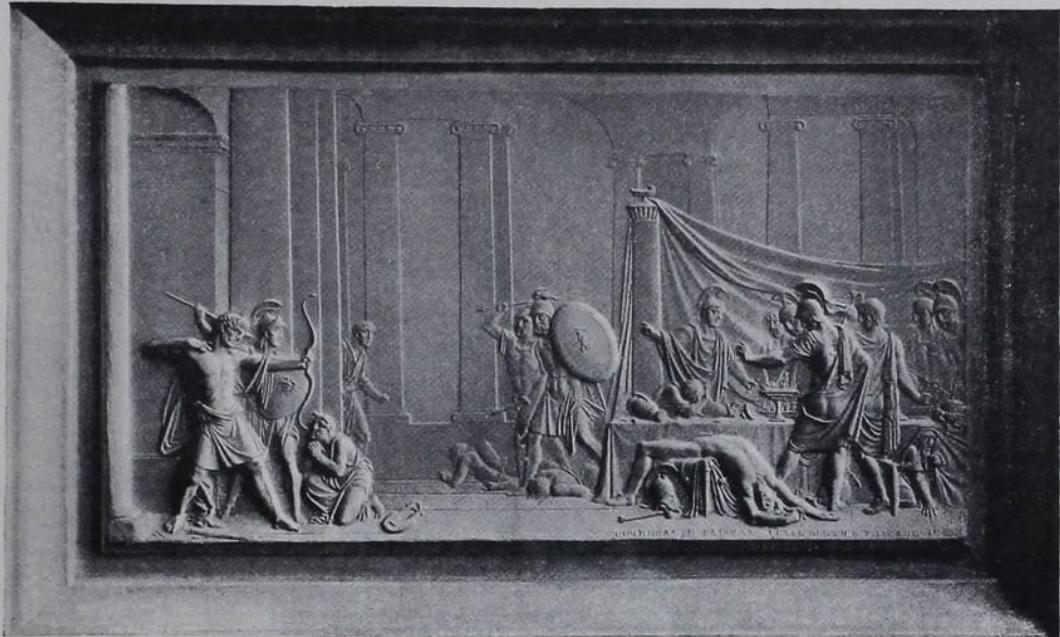
Я нарочно не выпускаю всѣхъ подробностей этихъ физическихъ его упражненій, такъ какъ все это имѣло впослѣдствіи громадное влияніе на самый характеръ его художественной дѣятельности.

Въ то же время гр. Толстой продолжалъ заниматься и искусствомъ. Онъ рисовалъ и nature morte, и пейзажи, и фигуры, и портреты, и даже сочи-

Сцена изъ Одисея Гомера: „Прѣ жениховъ Пенелопы“ (Пѣснь I).

няль цѣлъя композиціи, стараясь передавать все видѣнное какъ можно точнѣе, и самымъ тщательнымъ образомъ заканчивая каждое произведение. Работая безъ руководителя, онъ до всего доходилъ самъ, что, конечно, брало много времени и труда. Пока онъ работалъ только карандашемъ и кистью. Но однажды, разсказываетъ онъ, „батюшка привезъ стеклянный камей, изображающій портретъ Наполеона Бонапарте. Эта вещица мнѣ очень понравилась, и я, на моемъ рабочемъ столѣ, взявъ огарокъ чистаго воска, подкрасилъ его тѣльнымъ цвѣтомъ и вылѣпилъ, съ помошью ножичка и булавки, копію, и очень вѣрную, съ этого камея“. Когда эту работу увидалъ у него Е. Н. Фусъ, то онъ замѣтилъ въ ней признаки таланта и совѣтовалъ своему ученику не бросать „заниматься художествомъ, какъ самымъ пріятнымъ препровожденiemъ времени“. Мало того, онъ самъ далъ ему скопировать бронзовую медаль съ портретомъ одного польского ученаго, Михаила Азовскаго, что гр. Толстой и выполнилъ изъ воску на круглой аспидной дощечкѣ. „Фусъ увидѣлъ эту копію, разсказываетъ онъ, нашелъ, что у меня есть талантъ къ художествамъ, и совѣтовалъ непремѣнно идти въ Академію Художествъ, спросить тамъ медальерный классъ и, познакомившись съ которымъ-нибудь изъ учениковъ этого класса, узнать отъ него, какъ приготавляется и красится воскъ для лѣпленія и какие на то употребляются инструменты“.

Сцена изъ Одисея Гомера: „Улиссъ убиваєтъ жениховъ Пенелопы“ (Пѣснь XXII).

Это произошло около Петрова дня, когда была открыта академическая выставка. На другой же день гр. Толстой отправился туда, подробно осмотрѣлъ выставленныя тамъ работы медальерного класса, изъ которыхъ ему больше всего понравились головки, исполненные И. А. Шиловыми, тутъ же познакомился съ нимъ и получилъ отъ него всѣ необходимыя свѣдѣнія, стеки и восковую голову Каракаллы для копирования. Вернувшись домой, онъ приготовилъ себѣ точно такой же воскъ и въ нѣсколько дней исполнилъ копію, которую Шиловъ одобрилъ. По закрытии выставки, онъ продолжалъ ходить къ Шилову, въ медальерный классъ, когда тамъ не было занятій, и бралъ модели для копій. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, когда они разсмотривали исполненный имъ портретъ императрицы Елизаветы Петровны въ царскомъ облаченіи, въ классъ вошелъ профессоръ скульптуры И. П. Прокофьевъ. Увидя молодого человѣка въ военномъ мундирѣ, съ восковымъ медальономъ въ рукахъ, онъ поинтересовался посмотрѣть работу. Осмотрѣвъ же ее внимательно и узнавъ, что всего только полтора мѣсяца, какъ гр. Толстой взялъ стеку въ руки, удивился такому быстрому успѣху и прямо спросилъ его:—„Скажите, какъ вы желаете учиться,—основательно, какъ художникъ, или какъ всѣ ваши братья—дворянчики, только для забавы?“

„Тутъ, говоритъ гр. Толстой, я почувствовалъ свое настоящее призвание, и что въ немъ я могу, по моему всегдашнему желанію, быть обязаннымъ самому себѣ и отвергнуть всякое покровительство и протекцію, и съ тѣхъ поръ я рѣшился посвятить себя въ художники. Я отвѣчалъ ему, что хочу знать и научиться художеству основательно и сдѣлаться, если буду въ силахъ, настоящимъ художникомъ. Когда такъ, то оставьте теперешнее ваше занятіе, а просите у вице-президента билета на право посѣщать художественные академические классы и начните учиться по принятому въ Академіи курсу“.

На другой же день графъ имѣлъ уже билетъ и съ слѣдующаго понедѣльника сталъ аккуратно посѣщать классы Академіи. При этомъ онъ оказалъ поразительные успѣхи. Послѣ первого же пробнаго рисунка головы Аполлона, съ оригинала, онъ былъ переведенъ въ классъ оригиналныхъ фигуръ, а черезъ двѣ—три недѣли—въ гипсовый головной классъ. Чрезвычайно характерно описываетъ графъ Толстой, какъ ему приходилось, что называется, съ бою прокладывать себѣ здѣсь дорогу, въ то время, какъ легко и спокойно онъ могъ бы, только путемъ протекціи, достичь блестящей карьеры на другомъ поприщѣ, большинству казавшемся тогда гораздо значительнѣе и почетнѣе. Но любовь къ искусству побѣдила всѣ препятствія.

Професора Академіи вообще относились небрежно ко всѣмъ постороннимъ, неказеннокаштнымъ ученикамъ, проходя мимо ихъ работъ и не удостаивая ихъ никакими замѣчаніями. Къ графу же Толстому нѣкоторые изъ нихъ относились еще враждебнѣе: ихъ смущалъ его военный мундиръ и графскій титулъ. „Они смотрѣли на меня, говоритъ онъ, съ какимъ то негодованіемъ, какъ на лицо, оскорбляющее и унижающее ихъ своею страстью къ художеству, а особливо скульпторъ Мартосъ, который вездѣ съ насмѣшкой и пренебреженіемъ говорилъ о моемъ желаніи, будучи графомъ и въ военной службѣ, сдѣлаться и художникомъ“. Одинъ только упомянутый выше И. П. Прокофьевъ составлялъ исключение, одинаково серьезно относясь ко всякой работѣ, чья она ни была.

По счастью, всѣ эти несправедливости не могли имѣть никакихъ послѣдствій. При самомъ вступленіи своемъ въ Академію, графъ Толстой познакомился съ знаменитымъ впослѣдствіи живописцемъ О. А. Кипренскимъ, который тогда былъ еще ученикомъ натурнаго класса, но уже считался лучшимъ рисовальщикомъ и получилъ уже обѣ серебряныя медали. Онъ взялъ подъ свое руководство даровитаго юношу и, приходя ежедневно къ нему въ классъ, подробно и обстоятельно объяснялъ ему все, что было нужно, и такимъ образомъ возмѣстилъ ему недостатокъ вниманія со стороны профессоровъ. Точно также несправедливое отношеніе преподавателей не могло отразиться и на успѣхахъ его, въ смыслѣ перехода изъ одного класса въ другой, такъ какъ

„Меркурій ведеть въ адъ жениховъ Пепелопы“ (Шень XXIV Одисея Гомера.)

тогда имена учениковъ, выставлявшихъ свои произведения на экзаменъ, скрывались отъ экзаменаторовъ. Потому то мы и видимъ такое поразительно быстрое повышение гр. Толстого изъ класса въ классъ. Въ гипсовомъ головномъ классѣ онъ пробылъ всего только мѣсяца три, какъ былъ переведенъ въ гипсовый фигурный, а оттуда не болѣе какъ черезъ два мѣсяца—въ натурный.

Не довольствуясь занятиями въ Академіи, онъ придумалъ повторять дома, на память, каждый рисунокъ, исполненный имъ въ классѣ, „опережая, такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ Е. Ф. Юнге, на много лѣтъ позднѣйшіе опыты Лекокъ де Буабодроно“. Кромѣ того, онъ рисовалъ съ гипсовыхъ анатомій, имѣвшихся въ Академіи, а для изученія женскихъ формъ ходилъ рисовать въ античный отдѣль академической галлереи. „Восхищаясь изящною красотою формъ и позами этихъ превосходныхъ произведений древности, говорить онъ, я не могъ не увлечься ими и, полюбя высокія произведенія Грекіи, какъ въ статуяхъ и барельефахъ, такъ и во всѣхъ скульптурныхъ произведеніяхъ этого времени, какъ то: саркофагахъ, жертвенникахъ, вазахъ, чашахъ, канделлябрахъ, лампахъ, мебели, колесницахъ и пр., съ которыхъ я такъ много

рисовалъ и изучалъ, я полюбилъ и самую Грецію того времени. Я сталъ читать и изучать все, что было писано объ нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, внѣшней и домашней, этого знаменитаго, съ необыкновенно изящнымъ вкусомъ, образованнѣйшаго въ то время народа“. Такъ рано въ нашемъ художникѣ зародилась уже та любовь къ античному міру, которая, какъ увидимъ дальше, была такъ характерна для всей его дальнѣйшей дѣятельности.

Но вдругъ всѣ эти занятія едва было не прекратились самыи неожиданныиыи образомъ—переводомъ гр. Толстого въ гребной флотъ, стоящій въ Регентольмѣ. Однако, графъ Петръ Александровичъ, бывшій въ то времеи военнымъ губернаторомъ Петербурга, пришелъ на помощь племяннику, попросивъ за него управляющаго морскимъ министерствомъ, П. В. Чичагова, и приказомъ отъ 23 іюня 1804 г. нашъ художникъ былъ назначенъ личнымъ адъютантомъ къ П. В. Чичагову, несмотря на то, что Павелъ I вовсе упразднилъ должность 'генеральскихъ адъютантовъ, что осталось въ силѣ и при его преемникѣ.

Повидимому, вскорѣ послѣ этого умерла мать Федора Петровича, хотя въ источникахъ мы встрѣчаемъ здѣсь разногласіе. Въ оригинальныхъ его запискахъ находится позднѣйшая приписка, где сказано, что она умерла въ 1809 г., такъ же напечатано это мѣсто и въ изданіи „Русской Старинѣ“¹⁾, несмотря на то, что въ другомъ мѣстѣ записокъ рукою автора обозначенъ 1803 г., а главное—что дальнѣйшій текстъ противорѣчитъ этой датѣ: тамъ говорится, что послѣ ея смерти отецъ уѣхалъ въ Москву, а Федоръ Петровичъ переселился къ графу Петру Александровичу, въ домѣ котораго происходять события, несомнѣнно относящіяся къ 1804 и 1806 г.г., да въ 1809 г. и самого Петра Александровича не было уже въ Петербургѣ. Въ одной же изъ поколѣнныхъ росписей Толстыхъ²⁾ сказано, что она умерла 28 декабря 1802 г.; тотъ же годъ, только 24 декабря, обозначенъ въ упоминавшейся выше статьѣ и Е. Ф. Юнге; но и эти даты опровергаются тѣмъ, что назначеніе гр. Федора Петровича адъютантомъ къ П. В. Чичагову, состоявшееся въ 1804 г., несомнѣнно было въ то времеи, когда семья еще не распадалась, такъ какъ собственными рукою описаны, очевидно подъ живымъ впечатлѣніемъ, подробности отношенія къ этому событию всей семьи. Съ наибольшою достовѣрностью мы можемъ принять цифру 9 за 4 и отнести эту тяжелую утрату молодого человѣка къ описываемому нами времени.

Какъ я уже сказалъ, вся семья послѣ этого распалась, и нашъ художникъ перебѣхалъ опять къ дядѣ. „Отъ Петра Александровича, говоритъ онъ,

¹⁾ Записки графа Ф. П. Толстого. „Русская Старина“ 1872—1873 гг.

²⁾ Рукопись, принадлежащая Е. Ф. Юнге.

Три грации.

мнѣ въ Академію было ходить не далеко и очень удобно. По утрамъ я ходилъ въ медальерный классъ, а вечеромъ, отъ 6 до 7 часовъ,—въ натурный классъ, котораго ни разу не пропускалъ, сочинялъ и рисовалъ третные рисунки, задаваемые казеннымъ ученикамъ, по исторической части, и представлялъ ихъ въ Совѣтъ на экзаменъ. А у себя дома, въ свободные часы отъ занятій, посвященныхъ на мое образованіе, лѣпилъ изъ воску или глины группы или полные барельефы, беря сюжеты изъ древней исторіи, греческой миѳологіи и изъ преданій, такъ богатыхъ интересными сюжетами гомерическихъ вѣковъ Греціи».

Еще до смерти матери нашего художника, бывавшій нерѣдко у графа Петра Александровича командръ Кавалергардскаго полка, Ф. П. Уваровъ, зная Федора Петровича за отличного наѣздника, предлагалъ его родителямъ перевести его изъ флота въ Кавалергардскій полкъ, а такъ какъ онъ плохо переносилъ качку и поэтому продолжать морскую службу было бы ему очень

трудно, то все приняли это предложение съ радостью. Ф. П. Уваровъ доложилъ объ этомъ государю и получилъ его согласіе. Но перевестись прямо изъ морской службы въ сухопутную было нельзя, а нужно было прежде на годъ выйти въ отставку.

„Получивъ отставку, замѣчаетъ гр. Ф. П. Толстой, я могъ вполнѣ посвятить все время моимъ занятіямъ, а особливо въ художествѣ, къ которому часъ отъ часа притѣплялся все болѣе. Выставляемыя мною изъ воска, въ довольно большомъ видѣ, скульптурныя работы были всегда одобряемы Собѣтомъ, и говорили уже объ нихъ и въ городѣ“, тѣмъ болѣе, что раньше никто не выставлялъ восковыхъ барельефовъ подобныхъ размѣровъ.

„Спустя около восьми или девяти мѣсяцевъ послѣ отставки, разсказываятъ онъ далѣе, государь обѣдалъ у Петра Александровича. Послѣ обѣда Марія Алексѣевна показала его величеству собранныя у меня разныя мои изъ воску работы. Быть призванъ и я. Когда я вошелъ, государь, любуясь и хваля мою работу, сказалъ мнѣ:—„Я обѣщалъ перевести васъ въ Кавалергардскій полкъ; но такъ какъ у меня много кавалергардскихъ офицеровъ, и я могу ихъ показывать сколько захочу, а художниковъ—нѣть, то мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы, при вашемъ талантѣ къ художествамъ, пошли по этой дорогѣ“.—Послѣ такихъ словъ мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ исполнить волю императора. Какъ мнѣ ни хотѣлось всегда служить въ кѣннице, но это предложение болѣе всего согласовалось съ моей привязанностью къ художествамъ и съ твердо принятыми мною правилами быть на службѣ обязану только самому себѣ, полученнымъ наградамъ и повышеніямъ, а отнюдь не съ помощью протекціи и покровительства, для чего я былъ слишкомъ гордъ“.

Вскорѣ послѣ того графъ Петръ Александровичъ былъ посланъ въ Парижъ, и нашъ художникъ остался одинъ. „Матеріальное положеніе его, говорить Е. Ф. Юнге, сдѣлалось въ это время весьма затруднительнымъ. Онъ былъ безъ мѣста, престарѣлый отецъ не могъ ничего удѣлять ему, да сынъ, не желая беспокоить его, и не писалъ ему объ своемъ положеніи. Но препятствія не надломили молодого человѣка,—подъ гнетомъ обстоятельствъ воля его только крѣпла. Онъ пересталъ посещать великосвѣтское общество, удалился на время и отъ прочихъ своихъ знакомыхъ, заперся въ убогой квартирѣ и еще ревностнѣе сталъ учиться. Два года онъ жилъ единственно почти трудами рукъ своихъ, дѣлая изъ воска на грифельныхъ дощечкахъ гребни и брошки, подражавши камеямъ, которыхъ были тогда въ модѣ. Часто онъ питался однимъ только чернымъ хлѣбомъ съ квасомъ, думая единственno о томъ, чтобы обогатить умъ свой новыми познаніями и лишнюю копейку употребить на покупку книгъ“.

Въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, которыхъ хотя не часто, но все же посещали нашъ художникъ, былъ тогдашній президентъ Академіи, графъ

А. С. Строгановъ. Однажды (въ 1806 г.) онъ встрѣтился тамъ съ вошедшими тогда уже въ силу Н. Н. Новосильцевымъ, который, узнавъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи онъ находится, немедленно доложилъ объ этомъ государю, и на другой же день состоялся указъ объ опредѣленіи его на службу въ Эрмитажъ, съ окладомъ въ 1500 р. асс. въ годъ.

Въ 1809 г. гр. Толстой представилъ нѣсколько восковыхъ барельефовъ императрицамъ Маріи Феодоровнѣ и Елизаветѣ Алексѣевнѣ и получилъ отъ каждой изъ нихъ (12 апрѣля) по брилліантому перстню, которыхъ впослѣдствіи онъ получалъ очень много. Кромѣ того, онъ представилъ въ Академію очень большой восковой барельефъ, изображающій „Тріумфальный вѣзъ Ромула въ Римъ“, и нѣкоторыя другія работы, за что, въ засѣданіи 1 сентября того же года, гр. А. С. Строгановъ предложилъ собранію Академіи избрать графа Толстого въ почетные члены. Хотя это возбудило много толковъ среди нѣкоторыхъ профессоровъ, привыкшихъ къ тому, чтобы почетные члены были не моложе 50 лѣтъ и въ большихъ чинахъ, тѣмъ не менѣе избраніе состоялось.

13 сентября 1810 г., по высочайшему повелѣнію, графъ Толстой былъ определенъ въ монетный департаментъ, по медальерной части. И тутъ, со своею обычною добросовѣстностью, онъ углубился въ изученіе всего, что только относилось къ этому дѣлу. „Окромѣ художественной части этого искусства, пишеть онъ, я теперь изучилъ и грубую техническую часть, принадлежащую къ медальерному искусству, какъ то: ковку и закалку штемпелей, дѣланіе пунсоновъ, а также и всю операцию выбиванія медалей изъ металла въ исполненные медальерами штемпеля. Эти чисто техническія производства, замѣчаетъ онъ, не принадлежатъ къ занятіямъ медальеровъ, и на монетномъ дворѣ для каждого изъ этихъ занятій есть особые мастера; но я считаю, что медальеръ долженъ знать, какъ дѣлается все, что необходимо, чтобы произвестъ отбиваемыя изъ металловъ медали“.

До гр. Толстого медальерное дѣло стояло въ Россіи на самомъ низкомъ уровнѣ. Медальеры были безъ всякаго художественного образованія, медали исполнялись по рисункамъ, большою частію не только сочиненнымъ плохо, но и нарисованнымъ не лучше. Гр. Толстой окончательно переорганизовалъ все дѣло и поставилъ его не только не ниже современныхъ ему иностранцевъ, но такъ, что и въ настоящее время многому можно поучиться по составленной имъ запискѣ, которую онъ осуществилъ вполнѣ. Не могу не привести здѣсь въ подлинникѣ этого важнаго документа, такъ ярко характеризующаго дѣятельность нашего художника на данномъ поприщѣ.

„Я составилъ себѣ планъ, пишеть онъ, по которому намѣренъ держаться на поприщѣ медальерного искусства. Во-первыхъ, я не буду рѣзать штем-

пелей на медаляхъ иначе, какъ по рисункамъ, собственно мною сочиненнымъ, и моделямъ, мною же вылѣпленнымъ изъ воску, по доставленнымъ мнѣ письменнымъ свѣдѣніямъ, на какой случай или въ память чего должна быть произведена мною заказанная мнѣ медаль. Я полагаю, что всякая медаль должна быть сочинена и вылѣплена ей изъ воска модель такъ, чтобы всякий, смотрящій на готовую медаль, могъ, не прибѣгая къ надписи, узнать, на какой случай она выбита. Медали, которыхъ будуть мнѣ довѣряться сочинять и рѣзать штемпеля для отбиванія ихъ въ металлъ, я буду производить въ античномъ греческомъ вкусѣ, какъ лучшемъ въ изящныхъ искусствахъ. Если изображенное медалью въ память грядущимъ вѣкамъ, на какой-бы то ни было предметъ, событие или дѣйствіе по сюжету своему должно быть изображено группою людей, то она должна быть сочинена, и вылѣплена ей изъ воска модель, и вырѣзанъ штемпель съ строгимъ исполненіемъ красоты и вѣрности съ натурою, требуемыхъ изящнымъ искусствомъ, строго соблюдая вѣрность обычаевъ, мѣстности и страны въ то время, когда совершилось событие, существующее быть изображенными въ медали. Въ группахъ, где не препятствуетъ этому сюжетъ медали, можно помѣщать и голые фигуры, какъ лучшее украшеніе въ изящныхъ искусствахъ. Какъ людскія группы и одиночныя фигуры, во всѣхъ позахъ, такъ и аллегорическія изображенія и все, что представляется въ медаляхъ, должно быть помѣщено на фонахъ медалей, на самой серединѣ, и представлять собой треугольную форму, соблюдая, чтобы какъ можно менѣе оставалось пустого фона, излишество котораго вредитъ красотѣ медали. Само собой разумѣется, что для избѣжанія этого, ни подъ какимъ видомъ не должно наполнять медали посторонними вещами, не относящимися къ объясненію, на какой случай производится эта медаль. Если встрѣтится надобность помѣщать въ медаляхъ дикихъ и домашнихъ звѣрей, птицъ, пресмыкающихся и разнаго рода животныхъ, то они должны быть изображены вѣрно съ натурою, и всѣ ихъ движенія—представлены вѣрно съ породою и наклонностями изображаемаго животнаго, почему художникъ-медальеръ долженъ быть необходимо хорошо знакомъ съ зоологіей. Костюмы изображаемыхъ на медаляхъ фигуръ, согласно представляемому ими званію, должны быть изображаемы археологически вѣрно, по времени и странѣ, въ которой происходило дѣйствіе. А какъ нерѣдко встрѣчается, что нужно изображать на медаляхъ различныя зданія, то необходимо медальеру хорошо знать основныя правила архитектуры и очень хорошо—перспективу, чтобы изображать вѣрно всѣ зданія, и вообще все, что передается въ медаляхъ, должно быть исполнено въ медаляхъ изящно и строго вѣрно съ натурою и ясно должно изображать то дѣйствіе, въ память котораго чеканится медаль... При рѣзаніи въ стали фи-

гуръ не должно употреблять никакихъ пунсоновъ,—не только для головокъ, рукъ, слѣдковъ или другихъ частей тѣла; но совсѣмъ избѣгать наколачиванія, какъ самаго дурного способа приготовленія штемпелей, дѣлающаго набитыя части фигуры медали грубыми, рѣзкими и сильно отдаляющимися отъ рѣзанныхъ отъ руки рѣзцомъ. Какъ бы ни велика была коллекція у медальера пунсоновъ, принужденный дѣлать разной величины медали и на нихъ въ разныхъ аттипподахъ фигуры и набивая одними и тѣми же пунсонами головки, ручки или ножки, онъ будетъ производить уродливыя фигуры. Должно всю медаль рѣзать отъ руки, набивать только однѣ надписи. Набивка показываетъ неумѣніе медальера рѣзать“.

„Въ этихъ краткихъ, но вѣрныхъ чертахъ, замѣчаетъ такой знатокъ медальерного дѣла, какъ Д. Прозоровскій¹⁾, опредѣлены основныя руководства къ образованію истинныхъ медальеровъ, о чёмъ ни прежде, ни послѣ вовсе не думали, вплоть до написанія днѣй... Медальерное искусство, заключаетъ онъ, решительно движется впередъ и пойдетъ къ совершенству, ежели послѣдуетъ совѣтамъ графа Толстого“. Я же прибавлю къ этому, что всѣ эти правила не только были написаны, но и примѣнялись самимъ авторомъ постоянно въ теченіе всей его многолѣтней дѣятельности.

Такъ какъ дѣятельность гр. Толстого была чрезвычайно разнообразна, то, чтобы не разбивать вниманія, начавъ говорить о немъ, какъ о медальерѣ, я перечислю здѣсь всѣ извѣстныя его работы въ этомъ родѣ искусства²⁾.

Первый вырѣзанный имъ штемпелѣ и то только для одной стороны медали, изображалъ Гигію, богиню здоровья, сидящую на античномъ стулѣ и кормящую змѣю. Этимъ штемпелемъ были выбиты только оловянныя бляшки. Настоящею же медалью, отлитою въ золотѣ, серебрѣ и бронзѣ, первою была медаль, поднесенная виленскимъ университетомъ Фаддею Чацкому. Она относилась къ 1809 году. Къ 1811 г. относится семейный барельефъ, изображающій гр. Толстого съ его первою женою и старшою дочерью, Елизаветой.

„Когда пришло къ намъ извѣстіе о совершенномъ разбитіи всей арміи, собранной Наполеономъ подъ городомъ Лейпцигомъ, и бѣгствѣ его съ этого крѣпкаго для него пункта, разсказываетъ гр. Толстой, я убѣдился, что пришелъ конецъ величию и владычеству Наполеона надъ Европою, и тотчасъ началъ лѣпить портретъ нашего императора въ военномъ древнемъ славянскомъ костюмѣ, въ шлемѣ, съ копьемъ въ правой руцѣ и круглымъ щитомъ въ лѣвой, по борту котораго я вылѣпилъ пѣшее и конное сраженіе, а въ серединѣ—рос-

1) Графъ Ф. П. Толстой, какъ медальеръ. СПБ. (1873).

2) Отчетъ художественнымъ произведеніямъ, сочиненнымъ и исполненнымъ собственноручно самимъ графомъ Федоромъ Петровичемъ Толстымъ. Собственноручная рукопись гр. Ф. П. Толстого.—Реестръ бронзовымъ медалямъ. Тоже.

сийский гербъ, изображая его въ видѣ славянскаго бога Родомысла. Восьмиугольная вѣнчаная фигура этого медальона имѣеть въ діаметрѣ болѣе четверти аршина, портретъ внутри въ кругу. Вылѣпивъ изъ воску этотъ портретъ, я съ него вырѣзаль форму въ крѣпкомъ составѣ мѣди, чтобы отливать алебастровые слѣпки и пустить ихъ въ публику“.

Когда государь вернулся изъ Парижа, то нашъ художникъ, черезъ оберъ-гофмаршала графа Н. А. Толстого, представилъ ему и форму, и слѣпокъ, за что получилъ брилліантовый перстень въ полторы тысячи рублей ассигнаціями. Между тѣмъ, еще раньше, одинъ берлинскій чугунно-литейный заводчикъ получилъ откуда-то слѣпокъ и, сформовавъ его, сталъ отливать изъ чугуна и сбывать съ большимъ успѣхомъ эти чугунные медальоны возвращавшимся изъ Франціи войскамъ. Въ полной увѣренности, что они покупаютъ произведеніе нѣмецкаго художника, многіе изъ русскихъ офицеровъ тоже привезли эти медальоны въ Петербургъ и были очень удивлены, когда ихъ вниманіе обратили на находящуюся подъ портретомъ подпись нашего художника. Мало того, заводчикъ этотъ нашелъ случай представить одинъ экземпляръ Александру и получилъ за него брилліантовый перстень въ 5000 р., т. е. много болѣе, чѣмъ самъ авторъ медальона.

По образцу этого медальона гр. Толстой рѣшилъ изобразить на такихъ же медальонахъ „всѣ побѣды российскихъ войскъ надъ Наполеономъ, со вступленія его въ предѣлы нашего отечества и до вступленія нашихъ войскъ въ столицу Франціи“. Съ этою цѣлью онъ нарисовалъ, по собраннымъ имъ реляціямъ, аллегорическія изображенія всѣхъ тѣхъ сраженій, которыя, по его мнѣнію, наиболѣе содѣйствовали успѣхамъ русскихъ войскъ. Рисунки эти были представлены государю. Онъ остался очень доволенъ какъ идею изобразить въ медальонахъ всю Отечественную войну, такъ и самыми рисунками и приказалъ соединенному собранію обѣихъ Академій (Наукъ и Художествъ) разсмотрѣть эти проекты съ художественной и исторической стороны. Собрание это постановило: „I, что таковой трудъ яко памятникъ столь достославныхъ временъ обращаетъ на себя особое вниманіе какъ Россіянъ, такъ и другихъ народовъ; II, что онъ изобрѣтателю своему, яко любителю отечества своего и усердному о славѣ его ревнителю, приносить не малую честь и похвалу; III, что собраніе сихъ медалей, и со стороны художества, по искусному сочиненію, хорошему рисунку и красотѣ стиля, какъ отличное произведеніе, заслуживаетъ всякаго уваженія и признательности къ дарованію и талантамъ трудившагося надъ онимъ“. Подлинное подписали: Чекалевскій, Мартось, Щедринъ, Прокофьевъ, Угрюмовъ, Ивановъ, Шебуевъ, Егоровъ, Демутъ, Кругъ и Келлеръ.

Вслѣдствіе такого постановленія собранія, государь приказалъ выдать изъ суммъ Кабинета 20,000 р. асс., чтобы дать возможность художнику выполнить

изъ воску и вырѣзать штампы для гипсовыхъ слѣпковъ, а кромѣ того, издать и въ гравюрахъ съ описаніемъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Сверхъ того, медальерами Лялинымъ и Клепиковымъ были впослѣдствіи вырѣзаны, подъ наблюденіемъ самого автора, штемпеля для медалей, которыи находились на выставкѣ 1836 г. Такъ какъ въ этихъ медаляхъ изображеніе „Родомысла“ ушло на лицевую сторону медалей, то, чтобы дополнить ихъ до 20, гр. Толстой вылѣпилъ еще одинъ медальонъ на миръ Европы. Наконецъ, въ новой Александровской залѣ Зимняго дворца, по высочайшему повелѣнію, были помѣщены въ большомъ видѣ копіи съ этихъ медальоновъ; а такъ какъ для полнаго украшенія залы не хватало еще четырехъ медальоновъ, то графъ Толстой сочинилъ и вылѣпилъ медали еще на четыре сраженія: 1) Взятіе Варшавы, 2) Взятіе Берлина, 3) Взятіе Касселя и 4) Сраженіе при Госсѣ, оставшіяся неизданными.

Кромѣ упомянутаго академического изданія, выпущшаго подъ заглавиемъ: „Собрание рѣзныхъ изображеній съ медалей, представляющихъ знаменитѣйшія воинскія дѣйствія, происходившія въ 1812, 1813 и 1814 гг., изображенныя граф. Ф. Толстымъ, описанныя А. С. Шипковымъ, СПБ. 1818“, съ заголовкомъ, гравированнымъ С. Фроловымъ, и съ гравюрами Н. И. Уткина, и того же изданія на французскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, впослѣдствіи, съ высочайшаго же соизволенія, были еще изданы Археографической Комиссіей: „Медальоны въ память военныхъ событий 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, изображенные графомъ Ф. Толстымъ и выгравированные на стали по способу Бета Н. Менцовымъ, СПБ. 1838.“ Сверхъ того, отдельно „Родомысла“ гравировали Клауберъ, Шелковниковъ и одинъ англійскій граверь, ученикъ Nolte. Упомянутые же слѣпки, исполненные изъ бѣлаго гипса на синеватомъ фонѣ, продавались тогда, по подпискѣ, по 200 р. за серію. А относительно ассигнованныхъ государемъ 20,000 р. состоялось, въ 1820 г., высочайшее повелѣніе¹⁾: „Не только не взыскивать возврата денегъ, но отдать ему остающіяся невыданными до сего изъ упомянутой отпущенной на сіе дѣло суммы, а затѣмъ предоставить ему приглашать къ подпискамъ на сіи медали и принимать онъя по своему усмотрѣнію въ собственную пользу. Государь Императоръ жалаетъ доставить сімъ сему любящему отечество свое, дѣлающему честь оному искусствомъ своимъ художнику всѣ удобности производить свободно и съ успѣхомъ похвальное предпріятіе, имъ начатое, дабы, сверхъ художнической славы, отъ сего произведенія могъ бы воспользоваться и всѣми отъ него выгодами“.

Къ этому же времени относится барельефъ, о которомъ сохранились свѣдѣнія въ бумагахъ гр. Толстого: „Въ бытность Его Величества Александра

¹⁾ Дѣла бывшей Императорской Российской Академіи, любезно сообщенные мнѣ покойнымъ академикомъ М. И. Сухомлиновымъ и П. К. Симони.

Павловича въ Москвѣ, по окончаніи Отечественной войны, пишетъ онъ, я поднесъ государю миниатюрный барельефъ, мною сочиненный и выглѣпленный изъ воску на аспидной доскѣ, изображающей триумfalный вѣзѣдъ Александра Македонскаго въ Вавилонъ, на богатой колесницѣ, везомой двумя слонами, на спинахъ которыхъ, стоя, сидя и лежа, играютъ музыканты, впереди идутъ скованные побѣжденные владыки и вожди, впереди и по сторонамъ ихъ и колесницы несутъ на носилкахъ, покрытыхъ коврами, большія богато украшенныя скульптурой вазы, жертвенники, треножники, канделябры и другія богатства, добытыя войною. За колесницею идутъ конныя и пѣшія войска, неся на копьяхъ своихъ доспѣхи ими побѣженныхъ. Это шествіе вступаетъ черезъ триумfalныя ворота, украшенныя четырьмя колоннами дорическаго ордена, между которыми, на цоколѣ, стоять жертвенники съ пылающімъ огнемъ, статуями и барельефами. На антаблементѣ, въ фризѣ котораго барельефъ изображаетъ конныя и пѣшія сраженія, стоять треножныя античныя курильницы. На послѣднемъ планѣ, вдали, нѣкоторыя зданія наполнены народомъ. Фигуры въ этомъ барельефѣ вышиною ровно $\frac{3}{4}$ дюйма, и ихъ, съ лошадьми и слонами, около ста. Длина всего барельефа не болѣе 5 вершковъ.

Въ 1813 г. выглѣзана медаль большой величины, поднесенная петербургскимъ ополченіемъ герцогу Александру Виртембергскому; въ слѣдующемъ году—малая медаль, для ношения въ петлицѣ, въ награду войскамъ за взятие Парижа; въ 1816 г.—медаль на избраніе вел. кн. Николая Павловича кураторомъ Абовскаго университета; въ 1817 г.—медаль на празднованіе въ Финляндіи 300-лѣтія Аугсбургскаго исповѣданія; большая сер. медаль, выдаваемая въ награду воспитанникамъ Имп. Академіи Художествъ за рисунки съ натуры; большая золотая медаль, выдаваемая въ награду воспитанникамъ той-же Академіи за исполненныя программы; въ 1825 г.—на кончину имп. Александра I; въ 1826 г.—на столѣтіе с.-петербургской Академіи Наукъ; въ томъ-же году—на вторичное (черезъ 50 лѣтъ) посвѣщеніе имп. Марії Феодоровной петербургской Академіи Наукъ; отъ Академіи Наукъ—основателю и хранителямъ; въ 1828 г.—на 300-лѣтнее существованіе виленскаго университета; въ 1830 г.—медаль въ награду за успѣхи въ наукахъ офицерамъ Имп. Военной Академіи; въ 1833 г.—въ честь директора Петропавловской петербургской школы, Вейзе; на 50-лѣтіе учрежденія Россійской Академіи, что нынѣ Второе Отдѣленіе Имп. Академіи Наукъ; медаль, съ крылатымъ геніемъ на одной сторонѣ и съ надписью: „Преуспѣвшему“.

Въ 1840 г., по повелѣнію государя, гр. Толстой выглѣпилъ модели для трехъ медалей въ память Персидской войны: 1) въ память сраженія подъ Елисаветполемъ, 2) на взятие Тавриза и 3) на взятие Карса, и для девяти медалей на Турецкую войну: 1) въ память сраженія подъ Ахалцихомъ и

штурма его, 2) на переходъ черезъ Дунай, 3) въ память сдачи крѣпостей Браилова, Варны и др., 4) на взятие Эривани, 5) на совершенное разбитіе двухъ корпусовъ турецкой арміи, 6) на переходъ черезъ Балканы, 7) въ память подвига брига „Меркурій“, 8) на занятіе Адріанополя и 9) на занятіе Арзрума. По этимъ моделямъ учениками гр. Толстого, Дунинымъ и Клепиковымъ, выбраны были штемпеля, пройденные потомъ окончательно самимъ художникомъ, и, кромѣ того, сдѣланы были съ этихъ восковыхъ моделей мѣдные формы только что открытымъ тогда гальваническимъ способомъ. По исполненіи этихъ медалей, государь приказалъ министру Двора отправить ихъ, вместе съ медалями въ память Отечественной войны, въ академіи: Вѣнскую, Берлинскую, Мюнхенскую и Парижскую, прося ихъ высказать свое мнѣніе о достоинствѣ медалей, въ отношеніи какъ выполненія ихъ, такъ и сочиненія.

Въ отвѣтъ на это, Вѣнская академія немедленно избрала нашего художника своимъ почетнымъ членомъ, а предсѣдатель ея, князь Меттернихъ, писалъ въ офиціальномъ отвѣтѣ на имя ministra Dвора: „Comme conception et comme exécution cette série des médailles est remarquable, et je ne crois pas qu'aucun pays n'en a produit de plus belles dans les cours des derniers siècles. Tel est le jugement unanime de nos médailleurs, à la tête des quels je puis citer le célèbre Louis Pichler“. Кромѣ того, онъ прислалъ письмо и лично гр. Толстому, помѣченное 6 октября 1836 г., гдѣ между прочимъ писалъ: „Vos médaillons formerent derénavant un des plus beaux et des plus utiles ornements des salles de l'Académie de Vienne en excitant l'admiration des amateurs et en présentant aux jeunes artistes qui les fréquentent des objets d'étude également distingués et par l'invention et par l'exécution. Je réunis de grand coeur mes voeux à ceux de l'Académie de Vienne, heurese de vous compter, M-r le Comte, parmi ses membres, pour que la Providence vous laisse encore jouir pendant longtemps de la douce satisfaction d'étendre et d'enrichir la domaine des arts pour vos ouvrages et par votre délicate protection“.

Берлинская и Мюнхенская академіи тоже дали самые лестные отзывы; одна только французская отнеслась къ этимъ произведеніямъ недружелюбно; но во Франціи въ то время медальерное дѣло стояло не на высокой степени развитія, да и самый отзывъ носить на себѣ такой отпечатокъ пристрастія, что невольно приходится заподозрить въ немъ вліяніе патріотизма.

Зато англичане такъ были увлечены этими медалями, что хотѣли пріобрѣсти ихъ въ полную собственность, за какую-бы то ни было цѣну, съ тѣмъ только, однако, чтобы гр. Толстой дополнить эту коллекцію еще нѣсколькими медалями на события, въ которыхъ принимала участіе Англія. Но имѣя въ виду исключительно славу своего отечества, художникъ не согласился исполнить ихъ желанія.

Въ 1850 г. Клениковымъ и Лялинымъ, подъ непосредственнымъ наблюдениемъ автора, были вырѣзаны медали „въ память усмиренія мятежа въ Венгрии и Трансильваниі“ и въ память устройства черезъ рѣку Неву постояннаго Благовѣщенскаго моста. Наконецъ, Толстымъ же исполнена медаль съ портретомъ герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго и съ надписью: „Pro memoria“ и медаль съ крылатымъ геніемъ и съ надписью „Преуспѣвшему“.

Я еще не упомянулъ серию барельефовъ изъ Одиссеи, выпущенную въ 1816 г. изъ воска на аспидныхъ доскахъ. Первый изъ нихъ изображаетъ—Пиршество въ домѣ Одиссея, второй—Телемака, пріехавшаго къ Менелаю, третий—казнь жениховъ Пенелопы и четвертый—Сопутствіе въ адѣ тѣней жениховъ Пенелопы. Въ 1818—1822 гг. гр. Толстой вырѣзала съ нихъ мѣдные формы для отливки гипсовыхъ стѣпиковъ.

Послѣднею его медальерной работой была медаль, исполненная въ 1861 г. въ память освобожденія крестьянъ, почему-то пропущенная Д. Прозоровскимъ: хотя она и значится въ „Каталогѣ медалей“, приготовляемымъ на Монетномъ Дворѣ (№ 652). По поводу этой медали въ бумагахъ гр. Толстого сохранился черновикъ статьи Н. Ф. Щербины, озаглавленной: „Письмо русского туриста“, съ надписью „Въ редакцію de Nodr“, въ которой онъ говоритъ, между прочимъ: „Пользуясь особымъ расположениемъ графа, я иногда, въ прошломъ году въ Петербургѣ (статья помѣчена: „Paris, 16 Avril, 1861“), лично присутствовалъ при его работѣ, которая оставалась до этого времени въ тайнѣ, и былъ вохищены художественной мыслю его глубоко-задуманного произведенія... Вотъ, въ краткихъ чертахъ, содержаніе медальона, нового произведенія 78-лѣтняго художника. Посреди медальона красуется фигура императора Александра II, въ древнемъ воинскомъ славянскомъ одѣяніи, съ наброшенней сверхъ него императорской мантіей. Надъ головой государя солнце бросаетъ во всѣ стороны лучи свои. По одной сторонѣ, возлѣ императора, стоитъ русскій освобожденный крестьянинъ, окруженный атрибутами своей дѣятельности: косою, серпомъ, граблями, снопомъ, ульемъ и пр.; по другой сторонѣ—русскій дворянинъ, землевладѣлецъ, въ древней боярской одеждѣ, и возлѣ него находятся атрибуты его назначенія, мечъ, исписанная хартія, глобусъ и т. п. Государь торжественно и любовно кладетъ свои руки на плечи обоихъ, какъ-бы обнимая ихъ. Помѣщика и крестьянинъ, въ это время, жмутъ другъ другу руку. У ногъ государя лежитъ во прахѣ разъятое ярмо—эмблема рабства, имъ уничтоженнаго. Фонъ медальона усѣянъ колосистымъ хлѣбомъ, а межъ нимъ виднѣется вдали легкій очеркъ маленькой сельской церкви, въ русско-византійскомъ стилѣ... По бокамъ медальона начертанъ годъ события—1861, а вокругъ него написаны четыре стиха изъ русской народной пѣсни,—именно той, мотивъ которой Бетховенъ помѣстилъ въ свою сенату: эта общеизвѣстная и древняя пѣсня поется просто-народнѣмъ въ святочные вечера, передъ новымъ и послѣ новаго года, чѣмъ

дополняется еще глубокий смыслъ ея, какъ бы намекая, что съ 1861 г. начинается новый годъ русской жизни, русской истории: „Слава Богу на небѣ! Слава“ и т. д.“

Съ этого медальона, по повелѣнію государя, была выбита на монетномъ дворѣ медаль, и, кромѣ того, самъ гр. Толстой сдѣлалъ гальванопластическимъ способомъ форму для отливки изъ гипса и окончательно прошель ее рѣзцомъ. За эту медаль художникъ получилъ отъ государя бриллантовый перстень.

Сохранились еще его рисунки медалей: на смерть императора Николая I (1855 г.)—четыре проекта, въ память коронованія Александра II (не удостоившася одобренія)—тоже четыре проекта, и на столѣтіе Московскаго Воспитательнаго Дома (1863).

Кромѣ главной своей специальности—медальернаго дѣла, гр. Толстой занимался всѣми отраслями искусства. По скульптурѣ, въ 1822 г., имъ вылѣпленъ изъ глины, въ натуральную величину, бюстъ Морфея, бывшій на академической выставкѣ. Впослѣдствіи онъ былъ высѣченъ изъ мрамора. Въ 1841 г. комиссию по сооруженію храма Христа Спасителя въ Москвѣ поручено было графу Толстому сдѣлать рисунки всѣхъ наружныхъ вратъ храма. Когда рисунки удостоились высочайшаго одобренія, художникъ вылѣпилъ изъ воска модель западныхъ вратъ и представилъ государю слѣпокъ съ нея, исполненный посредствомъ гальванопластики, послѣ чего и было возложено на него исполненіе всѣхъ вратъ. Отливка двухъ дверей исполнена петербургскимъ гальванопластическимъ заведенiemъ, а остальныхъ десяти—фабрикою Шопена.

По усмиренію венгерскаго восстанія, былъ вылѣпленъ изъ глины и исполненъ изъ мрамора бюстъ императора Николая Павловича въ славянскомъ вооруженіи, съ россійскимъ гербомъ на груди, въ шлемѣ съ конскимъ хвостомъ и съ мантіей на плечахъ. Бюстъ этотъ былъ пріобрѣтенъ кн. Юсуповой.

Для петербургскихъ фонтановъ гр. Толстой вылѣпилъ нимфу Аганиппу, обращенную въ ручей, другую нимфу, которая лежа укрывается драпировкою изъ воды, выливаемой на нее амуромъ, и третью нимфу, выходящую изъ раковины на скалу и укрывающуюся покрываломъ, и три группы: одна представляетъ купидона, Ѣдущаго на лебедяхъ, другая—тоже купидона, Ѣдущаго на раковинѣ, запряженной тремя змѣями. Оба купидона трубятъ въ рога, изъ которыхъ бѣть вода, лебеди и змѣи тоже извергаютъ воду. Третья группа изображаетъ полулежащую нимфу, убирающую волоса передъ водянымъ зеркаломъ, которое держитъ передъ ней наяда, на половину вышедшая изъ воды, а тритонъ, тоже вышедший изъ воды, подносить ей вазу, образуемую струями воды. Въ вазѣ находятся живые цвѣты.

Нимфа Аганиппа была, сверхъ того, заказана государемъ изъ мрамора; но, въ виду приближавшейся Севастопольской войны, заказъ былъ пріостановленъ, а послѣ не возобновленъ,— такъ она и осталась въ гипсовомъ слѣпкѣ.

Офицеры черноморскаго флота заказали гр. Толстому памятникъ адмиралу Лазареву. Проектъ памятника былъ утвержденъ государемъ съ тѣмъ, чтобы перемѣнить пьедесталь, что и было немедленно исполнено.

„Въ это время, разсказываетъ гр. Толстой, возвращался изъ чужихъ краевъ молодой скульпторъ Пименовъ, покровительствуемый вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, который выпросилъ у государя, несмотря на то, что мой проектъ былъ формально одобренъ его величествомъ, (чтобы) государь назначилъ произвести конкурсъ между мною, профессоромъ Витали и Пименовымъ, съ тѣмъ, чтобы не измѣнять въ контурахъ изъ проектированной мною фигуры. Это решеніе меня чрезвычайно огорчило, а когда потребовала отъ меня Академія новаго рисунка, я отвѣчалъ, что я разъ составилъ проектъ, который былъ утвержденъ его величествомъ, и не отступаю отъ него. Витали отказался письмомъ съ конкурса, потому что, уже разъ проектъ сдѣланъ графомъ Толстымъ и утвержденъ государемъ, онъ считаетъ себя не въ правѣ дѣлать другой эскизъ. И проектъ былъ переданъ Пименову, такъ какъ я отказался измѣнить мною сдѣянный проектъ“.

Тоже неосуществленнымъ остался и проектъ памятника графу А. Х. Бенкendorфу, на мызы Фаль, заказанного нашему художнику отъ корпуса жандармовъ, такъ какъ государь не разрешилъ корпусу ставить памятникъ Бенкendorfu.

Такъ что изо всѣхъ памятниковъ, проектированныхъ имъ, исполненъ только одинъ надгробный памятникъ петербургскому городскому головѣ И. В. Кусову, въ видѣ античнаго саркофага, стоящаго на высокомъ постаментѣ и окруженаго античными бронзовыми курильницами.

Кромѣ того, по его рисункамъ исполнено множество подносныхъ золотыхъ блюдъ, между прочимъ: блюдо и солонка, поднесенные петербургскимъ купечествомъ во время коронаціи Николая I; блюдо, поднесенное тогда же петербургскимъ дворянствомъ; блюдо, поднесенное купечествомъ при бракосочетаніи вел. кн. Марии Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ; блюда и солонки, поднесенные купечествомъ при бракосочетаніяхъ Александра II, вел. кн. Константина Николаевича, вел. кн. Марии Михайловны, Ольги Николаевны, Александры Николаевны и Елизаветы Михайловны. Наконецъ, почти всѣ вазы, кубки и чаши, поднесенные при разныхъ юбилеяхъ и тому под. случаяхъ, дѣлались по его же рисункамъ и моделямъ.

Большою известностью пользуются иллюстраціи его къ поэмѣ И. Ф. Богдановича „Душенька“, которыя не только нарисованы имъ первомъ (въ 1830 г.), въ количествѣ 63 рисунковъ, но имъ же самимъ и нѣгравированы очерками ac burin. По волѣ государя, экземпляры этого изданія были посланы императору австрійскому, королямъ прусскому, шведскому, баварскому и саксонскому и въ нѣкоторыя академіи художествъ. Всѣ академіи прислали автору золотыя

медали съ самыми лестными отзывами о рисункахъ; шведский король Фридрихъ Вильгельмъ, кромъ золотой медали, раздаваемой за научныя заслуги, прислалъ собственноручное письмо, сохранившееся въ бумагахъ графа: „Monsieur le Comte, писалъ онъ, c'est avec un intérêt tout particulier que j'ai reçu votre illustration poëme „Duschinka“ que vous avez au l'attention de me faire parvenir par Son Altesse Imperiale le Duc de Leuchtenberg. Apprécient le zèle qui vous anime pour les sciences et les beaux-arts je me plais à vous offrir, comme une marque de ma satisfaction la médaille ci-jointe, destinée aux mérites dans les sciences, et à vous assurer en même temps de mon estime et de ma bienveillance. Sur ce je prie Dieu, qu'il vous tienne dans sa sainte et digne. Votre affectioné Frederic Guillaume. Charlottenbourg. Le 17 Mars 1852“.

Подобного же характера, какъ иллюстраціи къ „Душенькѣ“, исполнилъ гр. Толстой иллюстраціи къ стихотвореніямъ Щербины, къ сожалѣнію, дошедшія до насъ лишь въ очень плохихъ ксилографіяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Иллюстрація“ того времени. Здѣсь таланты двухъ художниковъ слились въ удивительной гармоніи и, дополнняя одинъ другого, они переносятъ настъ въ тотъ древній міръ, который оба они такъ любили и такъ понимали.

Масляными красками написаны гр. Толстымъ три картины,—вотъ какъ онъ самъ ихъ описываетъ: „Первая картина, написанная мною въ 1830 г., изображаетъ перспективу моихъ комнатъ. На первомъ планѣ, у стѣны, на которой виситъ картина Вернета Старшаго, стоитъ диванъ, передъ нимъ круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. На этомъ диванѣ и около стола расположена мною семейная группа: жена моя, двѣ маленькия дочери и я самъ, занимающійся лѣпкою эскиза молодого человѣка со львомъ. Величина главныхъ фигуръ этой группы въ полѣ-арпина вышины. Возлѣ дивана, въ правою сторону отъ зрителя, въ отворенныя настежь двери слѣдующая комната. Тамъ съ обѣихъ сторонъ зеркала, висящія между оконъ, стоятъ на пьедесталахъ гипсовые слѣпки съ античныхъ статуй Аполлона и Венеры. На полу лежитъ лягавая собака. Противоположныя двери описанной комнаты также отворены настежь; въ нихъ видна третья комната, въ которой прямо у стѣны стоитъ трюмо; въ правой сторонѣ, у окна, дама шьетъ въ пальцахъ, а влѣво, на античномъ пьедесталѣ, стоитъ мною вылепленный бюстъ Морфея, съ драпировкой, перекинутой ему черезъ плечо.

„Сюжетъ второй картины взятъ мною изъ Шотландской баллады о Карлѣ Варвичѣ. Картина представляетъ наводненіе въ бурную осеннюю ночь. Вдали, нальво, виденъ королевскій замокъ, окруженный водою; на первомъ планѣ—небольшая парусная лодка, подъ управлениемъ сѣдого длиннобородаго старика; въ лодкѣ находится Варвичъ и, по указанію старца, протягиваетъ руки къ младенцу, который, стоя на выходящемъ изъ воды камнѣ, молитъ о спасеніи.

Картина освещена луною, прорезывающейся между облаковъ. Фигуры въ этой картинѣ тоже около полъ-аршина.

„Третья картина, написанная мною въ 1855 г., есть видъ, написанный съ натуры въ саду дачи Марковиль, въ Финляндіи, противъ Выборга. Онъ изображаетъ группу колоссальныхъ, поросшихъ мѣстами кустарникомъ и папортникомъ камней. Изъ-за нихъ видна часть бесѣдки; справа въ саду спускается крутая тропинка, по которой сходятъ двѣ девочки, въ соломенныхъ съ широкими полями шляпкахъ; мать ихъ слѣдуетъ за ними. Въ этихъ двухъ девочкахъ—портреты моихъ дочерей отъ второго брака. Фигуры выполнены въ четверть аршина“.

Особенно много оставилъ гр. Толстой всевозможныхъ рисункомъ карандашомъ, перомъ, сепией, акварелью и корпусными красками.

Однажды чрезвычайно благосклонно относившаяся къ нашему художнику императрица Елизавета Алексѣевна показала ему полученную ею отъ одного французского художника и очень понравившуюся ей коллекцію разныхъ цветовъ, исполненныхъ гуашью по грунтованной зеленовато-стѣрой бумагѣ. „Разматривая эту коллекцію, разсказываетъ гр. Толстой, и отдавая должную справедливость искусству парижского художника владѣть гвашевыми красками, я сказалъ:—Мнѣ кажется, что въ принятой этимъ артистомъ манерѣ изображать цветы видно болѣе желаніе блеснуть эффектомъ и выставить свой вкусъ, нежели съ строгою отчетливостью переводить съ натуры на бумагу копируемый цветокъ, какъ онъ есть, со всѣми малѣйшими подробностями, принадлежащими этому растенію: отъ чего въ этихъ такъ различныхъ цветахъ съ первого рисунка показывается какое-то будто сходство между собою, несмотря на ихъ различные формы и колера.—На это императрица сказала мнѣ:—Попробуйте вы нарисовать какой-нибудь цветокъ и покажите мнѣ.—Не рисовать никогда никакихъ цветовъ, я принялъ это предложеніе. Вернувшись домой, я напечь въ нашелъ крошечномъ садикѣ кустъ довольно красивыхъ светлолиловыхъ цветовъ. Сорвавъ небольшую вѣтку, я тотчасъ же принялъ ее срисовывать, но не акварелью и не гвашью, и не на грунтованной бумагѣ, называемой англійской,—водяные краски, которыя я употребляю для своихъ рисунковъ, почти всѣ состоять изъ чистыхъ природныхъ корпусныхъ красокъ, и действую ими по принятому мною особому способу, который оказался очень удобенъ для рисования цветовъ и фруктовъ. Черезъ день рисунокъ былъ готовъ, и я отнесъ его императрицѣ, которая, увидѣвъ его, очень хвалила и сказала мнѣ, что находится въ моемъ цветкѣ болѣе жизни и вѣрности съ натурою“.

Упомянутый здѣсь способъ пользованія красками гр. Толстой описываетъ такъ: „Я пишу мои цветы и все не акварелью и не гвашевыми красками, которыхъ не люблю, потому что онѣ грубы, и ими ничего окончательно рисовать не можно. Я употребляю краски болѣе корпусныя, земляные, различныхъ цветовъ охры, лаки герансъ, металлическія краски разныхъ окисей,

осадки разныхъ растворовъ, различные края, немногіе хромы и всѣ яркія желтые краски, ультрамаринъ, кобальты, кармины и всѣ вообще краски, употребляемыя въ масляной живописи, но весьма тщательно очищенные и чрезвычайно мелко протертыя, и потому большую часть ихъ приготовляю самъ. Въ рисовкѣ всего, гдѣ требуется большая яркость колеровъ, коли необходимо имѣть хорошо приготовленныя краски, то еще болѣе надо умѣть владѣть ими, надо знать, какою краскою и при какомъ случаѣ, сблизкая (ее) съ другою, можно возвысить ея колеръ, какою краскою съ какой и какимъ способомъ должно прорабатывать, чтобы придать ей болѣе яркости и цвѣтности, какъ на одномъ колерѣ дѣлать отливы другихъ колеровъ и подражаніе довольно близкое металлическимъ разныхъ цвѣтовъ отблескамъ. Чтобы достичь возможности копировать бабочекъ, жучковъ и птичекъ довольно близко къ натурѣ, я много трудился и (много) произвелъ опытовъ".

Описанный случай увлекъ нашего художника въ эту область искусства. „Съ этой зимы, говорить онъ, въ свободное время я началъ писать, по-одиночкѣ и группами, разныхъ сортовъ цвѣтки, фрукты, ягоды, чудныхъ формъ и цвѣтовъ, бабочекъ, стрекозъ, жучковъ (которыхъ у меня большая коллекція) яркихъ колеровъ, какъ однотонныхъ, такъ и съ металлическими отблесками, точно фольга разныхъ цвѣтовъ, или испещренныхъ красивыми узорами изъ разныхъ колеровъ, также и птичекъ Нового Свѣта, съ ихъ перышками яркихъ блестящихъ цвѣтовъ, то одноколерныхъ, то испещренныхъ разными цвѣтами, то съ металлическимъ блескомъ цвѣтной фольги,—иные мѣстами блестятъ точно ярко раскаленные уголья. Впослѣдствіи я сдѣлалъ очень много рисунковъ во всѣхъ этихъ родахъ для императрицы Елизаветы Алексѣевны, сдѣлавъ ей нѣсколько и большихъ рисунковъ, на которыхъ были сгруппированы вмѣстѣ цвѣты, фрукты, птички, бабочки, стрекозы и жучки. Ей же нарисовалъ я коллекцію бабочекъ изъ десяти экземпляровъ, между которыми есть нѣсколько съ металлическими отливами; а императрицѣ Маріи Феодоровнѣ нарисовалъ коллекцію стрекозъ въ 12 экземпляровъ. Я рисовалъ, какъ въ этомъ родѣ, такъ и въ другихъ родахъ, много рисунковъ въ альбомы дамъ и кавалеровъ и не для одной царской фамиліи". Эти послѣднія слова невольно приводятъ на память описанные Пушкинымъ альбомы, „украшенные проворно Толстого кистью чудотворной", которыхъ не мало сохранилось и до нашихъ дней.

Кромѣ всѣхъ этихъ многочисленныхъ рисунковъ, въ альбомахъ самого художника, поступившихъ теперь въ Третьяковскую галлерею, имѣется 89 листовъ рисунковъ, изображающихъ „разные сюжеты изъ Св. Писанія, всемирной исторіи и миѳологіи, рисованные съ натуры цвѣты, букеты въ стеклянныхъ сосудахъ, фрукты, ягоды съ упавшими на нихъ росинками, бразильскихъ птичекъ съ ихъ разноцвѣтными съ металлическимъ блескомъ перыш-

ками, бабочекъ, съ ихъ фантастически-испещренными крыльями, стрекозъ, жучковъ и рисованного съ натуры красками льва“.

Въ 1840 г. гр. Толстой сочинилъ и нарисовалъ два балета, со всѣми группами, картинами, декораціями и обстановкой. Первый балетъ „Эолова арфа“ заимствованъ изъ скандинавскихъ преданій. „Къ этому балету, пишеть онъ, я скомпоновалъ и нарисовалъ всѣ позы лицъ обоего пола, какъ въ ихъ отдѣльныхъ разнообразныхъ танцахъ, такъ и въ общихъ группахъ, нарисовалъ всѣ игры того племени, состоящія въ силѣ, борбѣ, проворствѣ владѣть конемъ и мечомъ, нарисовалъ также всѣ поединки и сраженія. Костюмы были написаны мною акварелью. Финальная сцена съ декораціями и всѣми дѣйствующими лицами изображена мною въ большомъ рисункѣ, окончательно сдѣланномъ перомъ и выпариванномъ на мѣдной доскѣ. Въ ней, на облакахъ, является храмъ Валгаллы, со всѣми богами скандинавской миѳологии, окружеными тѣлами убитыхъ на войнѣ воиновъ и бардовъ, которые, сплетаясь руками съ живыми, танцуютъ на землѣ и частью въ воздухѣ. Я имѣлъ счастье представить этотъ балетъ государю императору, императрицѣ и всей царской фамиліи, которымъ понравилась и программа балета, и рисунки. Я получилъ приказаніе отъ министра Двора передать программу балета и рисунки дирекціи императорскихъ театровъ, какъ какъ его величество изволилъ разрѣшить поставить этотъ балетъ на сцену петербургскаго Большого театра. Но балетъ мой не былъ данъ и, какъ я узналъ уже въ 1846 г. отъ директора театровъ, во-первыхъ по причинѣ дороговизны постановки такого обширнаго балета, во-вторыхъ потому, что будто-бы петербургская публика не любить серьезныхъ эстетическихъ балетовъ, где, помимо танцевъ, артисты должны пантомимою и мимикою изображать цѣлые драмы, а любить въ балетахъ только одни танцы, грациозныя и страстныя позы артистокъ“.

Другой балетъ „Эхо“ заимствованъ изъ греческой миѳологии. „Я весь его изобразилъ, пишеть гр. Толстой, въ 48 рисункахъ, окончательно исполненныхъ мною перомъ, такимъ же образомъ, какъ исполнена мною поэма „Душеневка“, въ ту же величину листа и фигуръ“.

Не осталось ни одного рода искусства, где графъ Толстой не попробовалъ бы своихъ силъ. Даже по такому специальному отдѣлу искусства, какъ архитектура, мы видимъ несолько сооруженныхъ имъ надгробныхъ памятниковъ и проекты дачъ, изъ которыхъ некоторые также были построены.

Какъ я уже не разъ указывалъ, интересы его не ограничивались однимъ только искусствомъ,—онъ былъ чутокъ ко всему, что только выдавалось въ интеллигентной жизни окружающаго его общества, будь то въ сферѣ науки, педагогики, общественной жизни—чего бы то ни было.

Общее въ то время увлеченье масонствомъ не миновало и нашего художника. Не подозрѣвая, на первыхъ порахъ, всю внутреннюю пустоту и тщету

славіе современныхъ ему масоновъ, а видя тутъ „распространеніе всеобщаго истиннаго образованія душъ и ума“, гр. Толстой вступилъ въ наиболѣе серьезную изъ петербургскихъ масонскихъ ложь—въ ложу Peter zur Warheit, мастеромъ которой былъ Г. Эллизентъ. Черезъ два мѣсяца послѣ посвященія въ масоны, онъ былъ уже избранъ въ церемоніймейстеры, а потомъ, очень скоро, въ первые надзиратели этой ложи. Потомъ онъ послѣдовательно прошелъ всѣ высшія степени масонства, т. е. обѣ степени шотландскихъ ложь, ложи тампліеровъ, розенкрейцеровъ и др. Такъ какъ вскорѣ ложу Peter zur Warheit почти на половину стали составлять русскіе, и многіе изъ нихъ плохо даже владѣли нѣмецкимъ языкомъ, на которомъ здѣсь производились работы, то и рѣшено было открыть новую ложу, въ которой масонскія работы производились бы по тѣмъ же ритуаламъ, но на русскомъ языкѣ. И дѣйствительно, 18 сентября 1815 г., была учреждена такая ложа, подъ именемъ „Избраннаго Михаила“, мастеромъ которой выбранъ былъ гр. Толстой, а остальными должностными лицами—Г. И. Данилевскій, Ф. Н. Глинка, Н. И. Гречъ, А. И. Уваровъ, Н. И. и А. И. Кусовы.

При устройствѣ помѣщенія для ложи сказался весь вкусъ и художественная изобрѣтательность мастера: онъ такъ убралъ ложу, что и по красотѣ своей, и по точности всѣхъ аллегорій она затмила собою всѣ другія петербургскія ложи. Превосходила она ихъ также и своею дѣятельностью.

„Ложа наша, говорить гр. Толстой, съ малыми своими финансами устроила изъ своихъ членовъ особый комитетъ, котораго обязанность состояла въ томъ, чтобы нуждающихся, которые по своему положенію не могутъ протягивать руку за милостынею, а терпяще крайнюю нужду, отыскивая (ихъ) и освѣдомляясь подробно о нравственности, положеніи и нуждахъ таковыхъ, представлять обѣихъ ложь, которая, подъ предсѣдательствомъ мастера, распоряжается, кому какое дѣлать пособіе: кто получаетъ квартиру, кто небольшое мѣсячное содержаніе, кто единовременное пособіе дровами, сѣютными припасами и т. п.“.

Здѣсь же, въ этой ложѣ, возникла первая мысль и обѣ учрежденіи Общества распространенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, инициаторами которыхъ явились графъ Толстой, Глинка и Гречъ. Много и другихъ изъ братьевъ этой ложи вступили членами въ Общество, а Н. И. Гречъ составилъ и самыя таблицы, необходимыя для этого способа обучения. Тотчасъ же по утвержденіи устава предсѣдателемъ Общества былъ избранъ гр. Толстой. Такъ какъ отношенія его къ этому Обществу какъ нельзя лучше характеризуютъ его нравственную личность, то я позволю себѣ привести въ подлинникѣ описание дѣйствій Общества изъ черновыхъ записокъ его.

„Первую примѣрную школу, разсказываетъ онъ, положено было нами устроить здѣсь, въ Петербургѣ, на виду у всѣхъ. По нашимъ средствамъ мы

должны были устроить эту школу въ очень скромномъ видѣ, въ Коломнѣ, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, деревянномъ простомъ домѣ, въ которомъ весьма удобно могли учиться до ста и болѣе учениковъ. Эта невзрачная, по наружности, школа очень согласовалась съ учениками, которые должны были въ ней учиться, потому что эти школы устраиваются, по правиламъ Общества, только для крестьянскихъ дѣтей, бѣдныхъ мѣщанъ и мастеровыхъ. Я слышу, прибавляетъ онъ, что настѣ многіе обвиняютъ и говорятъ, что лучше было (бы), еслибы мы не набирали въ нашу школу такую ватагу босоногихъ мальчишекъ, а взяли бы третью или четверть ихъ, да устроили школу въ болѣе видномъ и въ болѣе приличномъ для порядочной школы помѣщеніи, а не въ старомъ, весьма некрасивомъ деревянномъ домѣ. Господа обвинители наши забыли о цѣли, для какой Общество наше собралось,—что наша главнѣйшая цѣль состоитъ въ томъ, чтобы стараться о быстрѣйшемъ распространеніи грамотности въ простомъ народѣ. Отечеству нужны учащіеся грамотѣ, а не зданіе, въ которомъ они учатся. У настѣ каждый членъ платить 30 руб. въ годъ. На эти деньги устроена и содержится школа, (также) какъ и дѣятельный и добрый учитель, умѣющій хорошо обращаться съ мальчиками простого быта, котораго Общество снабдило полною инструкціею, какъ преподавать грамоту этою методою. Для соблюденія необходимаго порядка при ученіи почти сотни всякий день приходящихъ уличныхъ мальчиковъ, положено Обществомъ, чтобы члены, которымъ положеніе ихъ позволяетъ, по четыре человѣка каждый день дежурили въ школѣ, поочередно, наблюдая за поведеніемъ и прилежаніемъ учащихся. Вступающіе въ школу въ первый разъ должны быть приводимы родителями, а коли ихъ нѣтъ, то тѣми, у кого они живутъ, гдѣ дежурными членами принимаются и записываются въ алфавитную книгу ихъ имена и фамиліи, (равно) какъ и имена родителей, а также и мѣстожительства, и назначаются ему его мѣсто на скамейкѣ въ классѣ. Въ назначенные часы для класса ученики приходятъ въ переднюю комнату школы, гдѣ встрѣчаютъ ихъ дежурные и отводятъ ихъ въ классы, на ихъ мѣста. По окончаніи классовъ, дежурные выводятъ ихъ попарно на улицу, которую ведутъ до первого перекрестка, гдѣ ученики расходятся по своимъ жительствамъ. По временамъ посылаются дежурные члены въ жительства учениковъ, узнавать отъ родителей, сосѣдей и透过 дворниковъ, хорошо-ли они себя ведутъ, послушны ли родителямъ и учтивы ли со старшими. Хорошо себя ведущіе и хорошо учащіеся получаютъ награды, состоящи изъ обуви и, по возможности Общества и по степени прилежанія, фуражками и нѣкоторыми частями одежды. За большія шалости и дурное поведеніе и непокорность родителямъ наказываются стыдомъ, что въ нашей школѣ приняло большую силу: быть поставлену у дверей класса со щеткой въ рукахъ, къ счастью,

сдѣлалось для ребятишекъ очень страшнымъ, и теперь очень рѣдко встречаются наказанные. Вредныхъ большихъ шалуновъ, на исправленіе которыхъ не предвидится надежды, мы отсылаемъ, чтобы не заражали своими шалостиами другихъ. Мы такъ счастливы, заключаетъ гр. Толстой, что наша школа очень хорошо и успѣшно идетъ впередъ“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Общество это не ограничивало свою дѣятельность тѣмъ, чтобы бросить большую или меньшую сумму на какое-то никого изъ членовъ не интересующее дѣло, какъ случается нерѣдко въ благотворительныхъ обществахъ, а напротивъ, самыи активныи образомъ вело свое дѣло и вело притомъ такъ гуманно, какъ для того времени трудно было и ожидать. Когда даже и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ тѣлесное наказаніе считалось самыи заурядныи явленіемъ, и заботились о томъ только, чтобы это не переходило въ истязаніе, тутъ, въ низшей школѣ, съ уличными ребятишками умѣли обходиться однимъ нравственнымъ воздействиемъ.

Еще раньше вступленія своего въ масоны, гр. Толстой принялъ самое видное участіе въ другомъ Обществѣ, называвшемся „Зеленая Книга“, о происхожденіи котораго и о своемъ участіи въ немъ онъ самъ разсказываетъ въ упомянутыхъ запискахъ. „Вскорѣ послѣ парада (гвардейскимъ полкамъ по возвращеніи ихъ изъ Парижа), говоритъ онъ, государь разрѣшилъ офицерамъ гвардіи, вѣнчаннымъ службы, для облегченія кто хочетъ, носить гражданское платье, что однакожъ ими было употреблено во зло, потому что офицеры, наряжаясь въ штатскіе фраки и сюртуки, стали на бульварахъ и по улицамъ дѣлать ужасныи шалости, такъ что не было отъ нихъ прохода не только однимъ ходящимъ по улицамъ женщинамъ, но даже—идущимъ съ лакеями и съ своими мужьями. Они приставали съ своими разговорами и оскорбительными предложеніями и заводили скандалы съ мужьями, которые иногда разрѣшались дракой, а когда полиція вступалась съ намѣреніемъ отдалить нахала, то они сказывались, что они офицеры гвардіи, которыхъ полиція не имѣла права братъ. Эти безпрестанно повторяющіяся безчинства на бульварахъ, улицахъ и на публичныхъ гуляньяхъ были причиной, что въ самомъ короткомъ времени государь запретилъ гвардейскимъ офицерамъ носить штатское платье. Но эта мѣра не уничтожила распутства и безнравственности, фраки были сняты офицерами, а безчинство и дерзости продолжались все такъ же. Многіе изъ офицеровъ гвардіи были безнравственны и совершенно необразованы, тогда какъ образованность и нравственность въ это время, большею частью между молодыми людьми, военными и штатскими, всѣхъ сословій, особенно между дворянствомъ, были въполномъ развитіи. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, видя распутство и злоупотребленіе чиновниковъ по разнымъ частямъ правленія, вздумали составить тайное общество,

посредствомъ котораго создать общественное мнѣніе, которое выставляло-бы всѣ подлыя, порочныя и несправедливыя дѣйствія чиновниковъ и, открывая ихъ правительству, пособляло-бы ему къ ихъ уничтоженію. Это центральное общество, подъ названіемъ „Зеленої Книги“, состояло изъ шести человѣкъ, изъ коихъ выбирался ими одинъ первенствующій, подъ названіемъ „Головы“. Чтобы имѣть возможность составить общественное мнѣніе, Общество устроило такъ, что каждый изъ шести центральныхъ членовъ обязанъ былъ, особо отъ этого Центрального Общества, составлять совершенно отдѣльныя общества, на томъ же основаніи, какъ и первое, которымъ знали бы только своихъ шесть членовъ и его, какъ „Главу“, не зная ничего объ Центральномъ Обществѣ. А члены этихъ новыхъ обществъ обязаны были составлять новыя такія же Общества, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, и такъ же опять основывая изъ себя точно такія же общества, не зная другихъ, кромѣ своихъ членовъ, которые, разумѣется, должны быть честными и благородными людьми, такъ что со временемъ составилось бы огромное общество, движателемъ котораго было (бы) имъ неизвѣстное Центральное Общество. Главная цѣль первенствующаго Общества была обязанность узнавать вездѣ произо-дящія несправедливости и вредныя дѣйствія чиновниковъ и управляющихъ должностями, почему всѣ члены составившихся отдѣльныхъ обществъ, узнавъ какое нибудь неправильное дѣйствіе, должны были объявлять объ этомъ своему „Главѣ“, а тотъ въ своемъ обществѣ, своему „Главѣ“, и такимъ образомъ это доходитъ до Центрального Общества, и всѣ эти донесенія должны быть совершенно точно и вѣрно представляемы „Главамъ“, и Центральное Общество, по полученнымъ свѣдѣніямъ, убѣдясь въ истинѣ этихъ донесеній, поручаетъ всѣмъ членамъ Обществъ,透过ъ ихъ „Головъ“, всѣмъ своимъ знакомымъ и всюду рассказывать объ этомъ дурномъ и вредномъ поступкѣ, стчего въ самомъ скромъ времени по сдѣланіи поступка тотчасъ во всемъ городѣ заговорять объ немъ и будуть осуждать его; такимъ образомъ, этотъ недостойный поступокъ дойдетъ до правительства, которое и приметъ свои мѣры для его уничтоженія. Уставъ этого Центрального Общества и его дѣйствій написанъ гвардейскимъ офицеромъ княземъ Долгорукимъ, Андреемъ Апостоломъ-Муравьевымъ и двумя братьями Муравьевыми же, служившими при гвардейскомъ штабѣ. Успѣхи этого Общества быстро рас-пространились, такъ что каждый, сдѣлавшій важный проступокъ, немедленно дѣлался извѣстнымъ всему городу, такъ что, благодаря этому дѣйствію Общества, многіе изъ значительныхъ чиновниковъ получили за ихъ несправедливость и дурные поступки должное наказаніе. Въ это Центральное Общество былъ приглашель и я. Эти шесть членовъ Центрального Общества состояли изъ Долгорукова, трехъ Муравьевыхъ, двухъ (?) братьевъ Игнатьевыхъ,

Θ. Н. Глинки. Вскорѣ послѣ моего вступленія въ это Общество меня избрали „Главою“, и дѣйствія его нѣсколько времени продолжались очень успѣшно. Но вскорѣ перевороты въ Европѣ и образованіе конституціи въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы стали почти единственнымъ разговоромъ въ го-родѣ, такъ что на балахъ, на обѣдахъ—вездѣ образовывались группы, въ кото-рыхъ слышались безпрестанно толки о конституціи, а особливо у образован-ной и умной молодежи. Наконецъ, я замѣтилъ, что и въ нашемъ Обществѣ начали заниматься болѣе политикой, нежели дѣломъ, для котораго это, хотя секретное Общество, но полезное правительству было устроено, почему я и предложилъ членамъ лучше совсѣмъ закрыть Общество, а не вводить въ него постороннихъ идей противъ его положенія, на что они и согласились, а всѣ бывшія у меня бумаги и книги этого Общества сжегъ, и съ тѣхъ поръ рѣдко видался съ этими господами“.

Кромѣ этихъ обществъ, гдѣ гр. Толстой игралъ такую видную роль, онъ участвовалъ и въ другихъ обществахъ: послѣ наводненія въ ноябрѣ 1824 г., онъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ Комитета Васильевскаго Острова о по-собіи потерпѣвшимъ отъ наводненія, за что, въ 1826 г., былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 3-й степени; въ 1820 г. былъ избранъ въ почетные чле-ны Вольного Общества Любителей Россійской Словесности; 1825 г.—почетнымъ членомъ Курляндскаго Общества Литературы и Искусства; въ 1832 г.—почет-нымъ членомъ С.-Петербургскаго Филармонического Общества и въ 1851 г.—почетнымъ членомъ Московскаго Художественнаго Общества. Кромѣ того, въ 1822 г. онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Королевской Пруссской Академіи Художествъ, въ 1830 г.—въ почетные члены Имп. Виленскаго университета, въ 1836 г.—въ почетные члены Австрійской Академіи Худо-жествъ, въ томъ же году—въ почетные члены Флорентійской Академіи Ху-дожествъ.

Что касается до его служебной дѣятельности, то, по исполненіи медаль-оновъ на Отечественную войну, возвышеніе его пошло быстро: въ 1822 г. онъ получилъ пенсию изъ Кабинета Его Величества въ 3000 р. въ годъ, 28 ноября 1828 г. назначенъ вице-президентомъ Академіи Художествъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники, съ увольненіемъ отъ службы при Монетномъ Дворѣ и отъ преподаванія медальерного искусства и съ сохраненіемъ какъ жалованья по Эрмитажу, такъ и упомянутой пенсіи. Въ 1849 г. онъ назначенъ присутству-ющимъ въ Комитетѣ по устройству Мозаическаго Заведенія.

Для характеристики гр. Толстого, какъ вице-президента Академіи, не могу не сдѣлать выписки изъ письма одного бывшаго академиста того времени. „Въ графѣ Толстомъ, пишетъ онъ, отъ природы великимъ художникѣ, съ

изумительною полнотою оказались всѣ качества, необходимыя для такого поста, который онъ занималъ съ величайшей честью болѣе тридцати лѣтъ... Благодаря высокому своему происхожденію и рѣдкимъ разностороннимъ качествамъ, графъ Толстой былъ какъ у себя дома въ высшихъ государственныхъ сферахъ, въ мірѣ же художественному авторитетъ его былъ безусловенъ, какъ высоко-даровитаго художника и достойнѣйшаго начальника. Безконечно ласковый, добрый до идеальности, онъ пользовался среди учащихся академической молодежи благоговѣйнымъ уваженіемъ, доходившимъ до энтузіазма. Даровитое скоро замѣчалось и выдвигалось всѣми зависящими силами. Бездарнымъ мѣста не было... Вечера его не были зваными вечерами, они скорѣе имѣли характеръ художественныхъ собраній съ семейнымъ оттѣнкомъ. На нихъ можно было встрѣтить сановную особу, администратора, дипломата, художниковъ, писателей, поэтовъ, музыкантовъ, артистовъ, пѣвицъ, и тутъ же, среди выдающихся представителей различныхъ человѣческихъ знаній, ученики Академіи чувствовали себя какъ въ своей средѣ, среди старшихъ. Вечера гр. Толстого не даромъ сдѣлались историческими. Они имѣли значеніе высшей школы для каждого, посѣщавшаго ихъ, въ особенности для учащейся академической молодежи. Если кто изъ учащихся начиналъ только выдвигаться, того уже знали не только бывавшіе на вечерахъ у графа, но и весь Петербургъ, такъ какъ слухъ, благодаря многочисленности посѣтителей вечеровъ, разносился послѣдними повсюду, и первыя произведенія даровитаго ученика на годичныхъ художественныхъ выставкахъ привлекались уже, какъ произведенія знакомца. Но скорѣе всѣхъ и съ изумительной прозорливостью примѣчались первые проблески даровитости въ молодыхъ людяхъ самъ гр. Тоолстой и старался немедленно приблизить къ себѣ... Талантъ онъ ставилъ выше всего, и если ему случалось подмѣтить таковой въ молодомъ человѣкѣ изъ крѣпостныхъ, онъ хлопоталъ, чтобы освободить того изъ крѣпостной зависимости. Были даже случаи, что графъ входилъ съ просьбою къ государю. Достаточно вспомнить, сколько, напримѣръ, графъ положилъ труда, и какихъ ему стоило усилий освобожденіе знаменитаго Тараса Шевченко. Въ академическихъ реформахъ графъ держался со всестороннею осмотрительностью и величайшей осторожностью.

Въ теченіе всей своей долгой службы онъ пользовался полнымъ довѣріемъ государя и обоихъ бывшихъ при немъ президентовъ.

Возвращаясь къ семейной его жизни, остается еще сказать, что въ 1810 г. онъ женился на А. Ф. Дудиной, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей: Елизавету и Марію. Послѣдняя была замужемъ за литераторомъ П. П. Каменскимъ и сама подвизалась на литературномъ поприщѣ; первая же умерла въ дѣвицахъ. Овдовѣвъ въ 1835 г., въ 1838 г. онъ вступилъ во второй бракъ съ А. И. Ивановой, отъ которой имѣлъ тоже двухъ дочерей: Екатерину и Ольгу.

2720.

Первая была замужемъ за извѣстнымъ окулистомъ Э. А. Юнге и унаслѣдовала отъ отца художественный талантъ, другая умерла дѣвицею и тоже занимались живописью.

Въ 1854 г. торжественно справлялся юбилей 50-лѣтней художественной дѣятельности гр. Толстого, гдѣ принимали участіе не только художники, но и такие выдающіеся поэты, какъ А. Н. Майковъ и Я. П. Полонскій, посвятившіе ему свои стихи. Выбита была медаль съ портретомъ юбиляра, работы академика Лялина, а государь пожаловалъ ему орденъ Анны I-й степени, отъ Академіи же Художествъ была поднесена ваза. Умеръ графъ Ф. П. Толстой 17 апрѣля 1873 г.

Незадолго до смерти маститаго художника, Т. П. Пассекъ уговорила его напечатать воспоминанія и предложила для этого свои услуги. Графъ передалъ ей всѣ свои записки, изъ которыхъ она дѣлала выписки, по своему усмотрѣнію, и прочитывала ихъ автору въ послѣобѣденное время, когда тотъ дремалъ, сидя въ креслахъ, и не слушая чтенія, соглашался потомъ со всѣмъ, что она написала. Наиболѣе же интересная часть его записокъ попала въ ея собственныя воспоминанія—„Изъ дальнихъ лѣтъ“, а самыя оригиналы, за исключеніемъ небольшой ихъ части, которую удалось сохранить не разъ упоминавшейся выше дочери художника Е. Ф. Юнге, и которою я воспользовался для настоящей статьи, были сожжены. Между тѣмъ, въ передѣлкахъ Т. П. Пассекъ не мало явилось не только неточностей, но даже невѣрнаго, почему я и указывалъ раньше, что имъ опасно довѣрять.

Заслуги графа Ф. П. Толстого, какъ художника, и до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, мало опѣнены его соотечественниками, хотя за послѣднее время въ этомъ направленіи замѣчается большой переворотъ. Такъ какъ онъ работалъ въ эпоху господства ложно-классического направленія, то и его произведения, переносящія насъ въ классическій міръ, долгое время смыкались съ безчисленными подражаніями его современниковъ. Но между нимъ и тѣмъ художниками была громадная разница. Современники его брали свои сюжеты изъ античнаго міра потому, что такъ это было принято въ то время, потому, что ихъ учили еще на школьнай скамьѣ, что только то художественное произведеніе имѣть серьезное значеніе, которое напоминаетъ собою античное произведеніе, что только въ этихъ послѣднихъ они найдутъ настоящую красоту, настоящій высокій стиль, безъ котораго нельзѧ быть великимъ художникомъ,—словомъ, учили подражать великимъ произведеніямъ классической древности; а чтобы облегчить себѣ это подражаніе, они и саму обстановку и сюжеты своихъ произведеній старались выбирать изъ античнаго міра. Другое дѣло гр. Ф. П. Толстой. Онъ выбиралъ свои сюжеты изъ античнаго міра потому, что онъ былъ душевно прѣненъ этимъ міромъ, потому что всѣ его симпатіи влекли

2720.

Первая была замужемъ за извѣстнымъ окулистомъ Э. А. Юнге и унаслѣдовала отъ отца художественный талантъ, другая умерла дѣвицею и тоже занимались живописью.

Въ 1854 г. торжественно справлялся юбилей 50-лѣтней художественной дѣятельности гр. Толстого, гдѣ принимали участіе не только художники, но и такие выдающіеся поэты, какъ А. Н. Майковъ и Я. П. Полонскій, посвя-

Стр. 39.

Первая была замужемъ за извѣстнымъ окулистомъ Э. А. Юнге и унаслѣдовала отъ отца художественный талантъ, другая за г. Дмитріевымъ и умерла при рожденіи первого ребенка, котораго усыновилъ графъ Федоръ Петровичъ; она тоже занималась живописью.

веденія, переносящія нась въ классической міръ, долгое время смысливались съ безчисленными подражаніями его современниковъ. Но между нимъ и тѣми художниками была громадная разница. Современники его брали свои сюжеты изъ античнаго міра потому, что такъ это было принято въ то время, потому, что ихъ учили еще на школьнай скамьѣ, что только то художественное произведение имѣть серьезное значеніе, которое напоминаетъ собою античное произведеніе, что только въ этихъ послѣднихъ они найдутъ настоящую красоту, настоящій высокій стиль, безъ котораго нельзѧ быть великимъ художникомъ,—словомъ, учили подражать великимъ произведеніямъ классической древности; а чтобы облегчить себѣ это подражаніе, они и самую обстановку и сюжеты своихъ произведеній старались выбирать изъ античнаго міра. Другое дѣло гр. Ф. П. Толстой. Онъ выбиралъ свои сюжеты изъ античнаго міра потому, что онъ былъ душевно прѣненъ этимъ міромъ, потому что всѣ его симпатіи влекли

его туда, потому что и самъ онъ, какъ мы видѣли, являлся какъ бы иѣкоторыемъ отраженiemъ этого далекаго міра, выработавъ въ себѣ, подъ вліяніемъ разсмотрѣнныхъ выше обстоятельствъ, качества античнаго грека—*meus sana in согропе sano*. Изучивъ этотъ міръ, какъ рѣдко кто изучалъ въ его время,—изучивъ не однімъ умомъ, какъ сухой археологъ, но какъ художникъ—перенесшись въ него всею душою, графъ Толстой возродилъ его въ душѣ своей и тогда только сталъ воспроизводить его въ своихъ работахъ.

А. Новицкій.

Медальонъ на отечественную войну „Бой при Малоярославцѣ“.